

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 70 (2661)

Четверг, 17 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

За боевую, принципиальную литературную критику

Четыре года тому назад были опубликованы исторические постановления ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме "Большая жизнь"». Эти постановления являются выражением сталинской заботы об идейной чистоте и высоком художественном мастерстве советской литературы и искусства, о кровной связи нашего художественного творчества с интересами советского народа.

За четыре года советская литература добилась больших успехов. Лучшие литературные произведения последних лет вошли в сокровищницу духовной культуры нашего народа, снискала любовь миллионов советских читателей. Нет нужды перечислять эти произведения — они широко известны. Среди авторов этих книг — художники разных поколений и разных творческих индивидуальностей. Рядом с именами русских писателей здесь имена писателей братских литератур, творческий рост которых — неоспоримое свидетельство расцвета советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Советская литература на подъеме. Народ знает и любит книги, правдиво изображающие нашу советскую жизнь, ошущенные великой идеей коммунизма. Но народ по праву требует, чтобы писатели его зорче всматривались во все приемы нового в нашей жизни, еще смелее поддерживали его. Народ хочет, чтобы большие темы нашей современности были воплощены в высокохудожественных, совершенных образах.

Именно этой заботой о дальнейшем развитии нашей литературы продиктованы письма читателей, каждый день приходящие в редакции журналов и газет. Читатель выражает свое мнение о новой книге, не ожидая, пока она получит оценку в печати. Он высказывает свои замечания, дает советы писателю, просит ответить на вопросы, возникшие при чтении книги, нелицеприятно и без оглядки на имена указывает на недостатки.

Задолго до того, как в нашей печати появились статьи, критикующие серьезные недостатки в романе Ф. Панферова "Большое искусство", читатели в своих письмах ясно и определенно высказали мнение об этом во многом неудавшемся произведении. Разве не заботой о процветании советской литературы вызвано письмо тридцати двух ленинградских студентов об "Открытой книге" В. Базарина, которое заканчивается словами, выражающими уверенность в том, что писатель прислушается к читательскому голосу и создаст произведение о настоящих героях нашего времени. Много справедливых замечаний сделали читатели о серьезных идейных ошибках в романе В. Катаева "За власть Советов".

Радуясь появлению значительных произведений советской литературы, читатели вместе с тем хотят, чтобы писатели не удовлетворялись уже полученным признанием, а совершенствовали свои книги, овладевали новыми высотами мастерства. Можно привести десятки читательских замечаний, адресованных С. Бабаревскому, В. Павлову, А. Первенцеву, А. Боптяеву, А. Чаковский, П. Павленко, А. Гончару и другим прозаикам, драматургам и поэтам, пожеланий более выскательнее работать над композицией, образной выразительностью, над языком произведений.

В письмах, в выступлениях на читательских конференциях читатели высказывают свою справедливую неудовлетворенность литературной критикой. Это вполне понятно, ибо наша критика пока не выполняет своей ответственной роли, она все еще в большом долгу перед народом. Критика должна пропаландировать все передовое и новое, что появляется в нашей литературе. Этого можно добиться только в том случае, если весь могучий поток советской литературы будет в поле внимания критиков, если каждое произведение, волнующее нашего читателя, получит своевременную критическую оценку. Только так критика может стать действенной силой развития литературы.

Но до сих пор критика не дает представления о широте и многообразии нашей литературы. Больше всего отстают с оценкой новых произведений литературно-художественные журналы, редакции которых считают 4—5 месяцев обязательным сроком для подготовки отклика на новое произведение. Но и несмотря на эти большие сроки, далеко не все заслуживающие внимания произведения получают оценку на страницах журналов. В семи номерах журнала "Звезда" за 1950 год напечатаны лишь пять рецензий о вещах, опубликованных в этом году. Рецензия книги Т. Борзова, вышедшие два года назад, журнал говорит о них, как о напечатанных "недавно". Это ли не свидетельство отсутствия оперативности?

До сих пор ни в журналах, ни в "Литературной газете" не получили оценки опубликованный в 1949 году роман М. Соколова "Искры", записки Н. Бершигоры "Картинский рейд" ("Звезда" № 3—5), роман И. Попова "На исходе ночи" ("Октябрь" № 4), новые главы поэмы П. Асеева "Маяковский начинается" ("Октябрь" № 4), записки В. Борзова "Полный Севастополь" ("Знамя" № 5), поэма В. Богатырева "Хозяева земли" ("Звезда" № 2) и некоторые другие произведения.

Причиной отставания литературной критики являются серьезные организационные недостатки в работе критических отделов литературно-художественных журналов и "Литературной газеты". Один из них — совершенно недостаточное привлечение критиков, литературных работников, преподавателей университетов и вузов союзных республик, краев и областей. Именно этим объясняется, что некоторые номера всесоюзных литературных журналов выдают как только московские. Говоря о недостатках философского фронта на дискуссии по книге Г. Александрова, тов. Жданов указывал: "Институт философии, по-моему, представляет довольно безотрадную картину; он не объединяет работников периферии, не связан с ними, а потому не является в деле учреждениям союзного характера". Не ясно ли, что эти слова имеют непосредственное отношение и к работе редакций союзных литературно-художественных журналов, недооценивающих серьезные творческие силы, имеющиеся на периферии. Однако отставание критики от процесса литературной жизни объясняется не только организационными недостатками, но прежде всего недостаточной принципиальностью критиков и печатных органов, не решающихся первыми выступить с оценкой литературных произведений. Не является ли такая выжидательная, чрезмерно "осторожная" позиция проявлением трусости, недостойной большинства? Каждый редактор и каждый критик должен всегда помнить слова тов. Маленкова: "Если большинство твердо убеждено в своей правоте, оно должно, не поддаваясь как к чему-либо или же, действовать так, как ему подсказывает его разум и его совесть. Если большинство прав, если его высказывания и поступки соответствуют идеем, призывам, решениям, указаниям партии, никто и ничто не может столкнуться с его с правильной дорогой".

Критика и самокритика стали законом жизни советских людей. Между тем в писательских кругах есть еще люди, которые не только боятся критики, но относятся к ней враждебно, стремятся заглушить критические выступления в свой адрес, запугать, а то и прямо ошельмовать людей, выступающих с критикой. Только таким отношением к критике можно объяснить попытки некоторых руководителей Союза советских писателей Латвии во главе с бывшим ответственным секретарем правления Союза писателей тов. И. Муджанджом дискредитировать людей, выступивших с критикой в адрес Союза писателей.

В Квебе, при обсуждении творчества заместителя председателя правления Союза писателей Украины поэта Д. Дмитрико, его товарищи по работе А. Малышко, В. Кондратенко, Ю. Мельничук, М. Рудь стремились угодить Д. Дмитрико, оградя его творчество от критики, чем сослужили ему плохую службу. Писатели, которые не могут не чувствовать ответственности за развитие всей литературы, не могут не сознавать значение критики для ее развития, тем не менее, весьма редко выступают в печати с литературно-критическими статьями. В прошлом на страницах газет и журналов читатели встречали критико-публицистические выступления Л. Леонова, Ф. Панферова, К. Федина и других наших известных писателей. Почему они не выступают с литературно-критическими статьями сейчас? Но уже совершенно нетерпимо, когда молчат люди, профессионалы которых, а значит, главным жизненным делом является литературная критика.

Можно ли считать, например, что В. Перлов выполняет свой долг литературного критика, если в 1949 году он напечатал две рецензии на одну и ту же книгу — в "Новом мире" и в "Литературной газете", а в 1950 году исчерпал свою литературно-критическую деятельность трехстраничной статьёй в журнале "Бурстъянна"? Более двух лет, со времени выхода книги о Шолохове, не работает в критике И. Левнев. За последние полтора года глубокое молчание хранит критик В. Дружинин.

Некоторые критики обретают смелость лишь тогда, когда речь идет о писателях молодых и начинающих. Такая позиция ничего общего не имеет с большевистской принципиальностью. Еще имеют место случаи пренебрежительного, высокомерного отношения к литераторам, выступающим в областных журналах и альманахах. Этим нередко грешат критические статьи в областных газетах; этот серьезный недостаток в значительной степени был присущ статье "О любительстве в критике", напечатанной на страницах "Литературной газеты".

Неодорожные выступления нашей печати против критики недобросовестной и зашумательской не послужили достоянием уроком для некоторых литературных критиков. Заушачивший характер, например, носит рецензия Н. Глаголевой и А. Курьяна на книгу Н. Венгрова и М. Эфрос "Жизнь Николая Островского" ("Комсомольская правда" от 9 июня 1950 года).

Борьба за высокий идейный уровень и художественное мастерство нашей литературы требует и повышения мастерства литературной критики. Не может и не будет пользоваться авторитетом ни у писателей, ни у читателей литературный критик, подменяющий анализ художественного произведения с позиций жизни изложением своих субъективных впечатлений. Только незнанием материала действительности объясняется ошибочная статья В. Васильева о романе А. Коженинова "Живая вода", напечатанная в "Литературной газете", в которой рецензент прогледел правду изображенное писателем новаторское начинание советских людей.

Разбирая то или иное новое литературное произведение, критик еще крайне редко связывает его анализ с общим проблемами развития советской литературы. Неумение глубоко обобщать явления литературы, боязнь обобщений вызваны теоретической слабостью литературной критики, недостатком овладевшей марксистско-ленинским методом, не всегда умеющей правильно приложить основополагающие высказывания Ленина и Сталина к анализу литературных произведений.

Эта теоретическая слабость проявляется и в том, что на страницах наших журналов весьма редко появляются проблемные статьи. Показателем в этом отношении критический отдел журнала "Октябрь". После неудачной дискуссии по вопросам социалистического реализма в 1948 году критический отдел журнала "Октябрь" не сумел по-настоящему перестроиться, предоставив в начале этого года свои страницы для вульгаризаторских новаторских вылазок против социалистического реализма и был подвергнут за это суровой и справедливой критике. Перепечатав статью "Против оплывания литературной критики", журнал вместо того, чтобы в дальнейшем исправить свои указанные в этой статье ошибки серьезными выступлениями по основным проблемам социалистического реализма, вообще отказался от печатания обобщающих статей. Их нет ни в одном из последних номеров журнала.

Большинство литературоведов так и не вышло настоятельным призывам, раздававшимся с трибуны XIII пленума правления ЦСП, заняться вопросами современной литературы. Статьи литературоведов Б. Мейлаха и Д. Благого, посвященные вопросам советской поэзии, не могут, разумеется, заполнить зияющую разницу между литературоведением и критикой. К тому же обе они написаны в критическом, ниже возможном, тон. Некоторые крупные наши литературоведы, научные интересы которых близки советской литературе, ограничивают свою критическую деятельность лишь "спрацидными", юбилейными выступлениями.

Не удовлетворяют читателей и не помогают росту нашей литературы литературно-критические статьи, в которых художественная форма произведения либо обходится молчаливым, либо оценивается при помощи торжественных отписок. Этому установившемуся шаблону в отдельных своих статьях следуют и критики, в общем плодотворно работающие в области современной литературы. Так, например, переходя к анализу статьи романа Н. Задронина "В океане", критик В. Александров (журнал "Знамя") об образе говорит — "суховатый", а о сюжете — "рыхловатый".

Особенно мало занимается критика вопросам языка художественного произведения. Серьезный анализ языка зачастую подменяется штампованиями, ничего не говорящими оценками или указанием на отдельные языковые погрешности. Основательные работы о языке товарища И. В. Сталина обязывают советских литераторов глубоко разрабатывать вопросы языка и стиля, вооружают критиков передовой, подлинно научной теорией языкознания.

Забота о повышении теоретических знаний литературных критиков, об изучении ими действительности, о совершенствовании профессионального умения, забота о росте молодых критиков должна быть таким же кровным делом Союза советских писателей и его печатных органов, как и забота о росте и совершенствовании прозаиков, поэтов, драматургов.

В передовой статье "За высокую идейность и мастерство!" "Правда" пишет: "Союз советских писателей, "Литературная газета", литературно-художественные журналы слабо организуют критические силы. Печатные органы Союза писателей еще не стали трибуной принципиальной, творческой литературной критики. Союз писателей мало уделяет внимания воспитанию литературных критиков в союзных республиках. До сих пор еще встречаются факты подмены здоровой, принципиальной критики приятельскими отношениями".

Только преодолев эти недостатки, литературная критика сможет по-настоящему помочь росту советской литературы, самой передовой и самой идейной литературы в мире. Нам нужна литературная критика, достойная большой советской литературы. Нам нужны критики, которые будут ежедневно бороться за ее идейное и художественное совершенствование, которые будут оценивать литературу с позиций жизни, а для этого глубоко изучать жизнь, будут связывать свои литературно-критические выступления с насущными проблемами действительности, будут в совершенстве владеть методом марксистско-ленинского анализа литературных произведений.

Литературный критик в нашем советском представлении — это такой человек, который не может проходить равнодушно ни мимо прекрасных явлений литературы, ни мимо отрицательных. Это человек, для которого пропаганда достижений нашей литературы, пропаганда всего нового в ней, борьба со всем отсталым — кровное, жизненное дело.

Литературный критик — это человек, который говорит о произведениях литературы по мандату долга. Чем больше таких критиков будет у нас, чем активнее будут они выступать в печати, тем скорее сможет литературная критика преодолеть свое отставание и выйти в авангард нашей литературы.

Трое из Совета Безопасности

1

Правое социал-демократическое правительство Норвегии, спустившись в опасное плавание по американскому фарватеру, избрало своим шкипером банкира, бывшего норвежского офицера на английской службе и адвоката верховного суда Арне Сунде. Ему поручена роль норвежского подголоска Остина в Совете Безопасности. Это во всех отношениях приятный Уолл-стрит госнодин готов поддержать любую американскую подлость.

Не утруждая себя поисками аргументов, Арне Сунде, следуя обструкционистской тактике г. Остина, пытается зваться на Советский Союз вину за ту или иную английско-американскую блокаду в Совете Безопасности. Он рьяно защищает гонимого «депутата», требует, чтобы Малек вынес постановление «о немедленном приглашении на заседание» представителя кляки Ли Сын Мана. В то же время Сунде возражает против советского предложения пригласить на заседание Совета Безопасности представителя корейского народа, включая представителей Северной и Южной Кореи.

Поведение г. Сунде в Совете Безопасности, разумеется, полностью отвечает желаниям как г. Ачесона, так и его правоохранительских лакеев в Скандинавии. Арне Сунде в своем выступлении в Совете Безопасности весьма многозначительно подчеркивал, что, дескать, он выступает от имени всех северных стран. И в самом деле, пока норвежский делегат подпевает Остину в Нью-Йорке, скандинавские правые социал-демократы устроили у себя на родине настоящее состязание — кто лучше выслужится перед Уолл-стритом. Датский премьер Хелтофт, и его шведский коллега Эрандер, и глава норвежского правительства Герхардсен заявили, как известно, о своей горячей поддержке американской агрессии в Корее.

Норвежские правые социал-демократы в этом «состязании», пожалуй, несколько обогнали датских и шведских коллег. Ведь они имеют одно неоспоримое преимущество — их соотечественники Трогве Ли и Арне Сунде пребывают в постоянном и непрерывном контакте с государственным департаментом США. Корейская команда г. Ачесона подобрана по принципу «чего изволите». Соратник тропаиста и затем квислингиста Хокона Мейера американской министры иностранных дел Ланге на лету подхватывают приказы американских провокаторов. Военный министр Хауге, стремясь помочь американским агрессорам, обещает «всечески усилить оборону северной Норвегии», подражая под этим размещение американских самолетов на аэродромах вдоль советско-норвежской границы. Премьер-министр Герхардсен, облекаясь неустанно американских горе-вожак в Корею, вылезает посылать туда «добровольцев». Не раздумывая долго, Герхардсен записывает в ряды борцов за свободу и демократию в Корею квислингцев, освобожденных норвежским судом от наказания.

Разумеется, готовность норвежских правых социал-демократов подливать масло в огонь корейского пожара получает высочайшее одобрение. Сам Трогве Ли на днях призвал норвежским социал-демократам благоразумие американских поджигателей войны и торжественное обещание фрагировать паролды для американской военной машины. Он «утешил» норвежских судовладельцев (в том числе и своего коллегу господина Сунде), заявив, что «если Корея все-таки будет отвлечена» (Трогве Ли не лишен дара предвидения. — Лнт.), то еще останется перспектива военных провокаций на Тайване, Филиппинах, во Вьетнаме. Главное — держать нос по американскому ветру.

Трогве Ли и Ланге, Герхардсен и Хауге покорно следуют за своими американскими патронами. И чем больше подпадают скандинавские правые социал-демократы, чем ниже гнут они спину перед г. Ачесоном, тем выше Арне Сунде распинается в Совете Безопасности.

2

Против предложенной представителями СССР в Совете Безопасности ООН резолюции о мирном урегулировании событий в Корею воздвигнута, как образно выразился

Лейк Саксес. Зал заседаний Совета Безопасности. Один за другим встают делегаты из числа пресловутого англо-американского большинства. Студе, Шовель, Лейк, встают и провозглашают пламенные речи. Звучат слова — «мир», «прогресс», «свобода», «демократия». Какова цена этим словам? Что скрывается за высокопарными фразами господ дипломатов? Даже беглый просмотр американских и западноевропейских газет за август дает все новые и новые факты, указывающие этих делегатов в том, что их выступления в Совете Безопасности — циничные прикрытия поджигательской политики маршаллизованных правительств.

последних выступлений, переданных официальным агентством Франс Пресс. Если исходить именно из этой столь недостойной ни ему самому, ни мсье Шовелю, ни любой другой «подпорке» точки зрения, то следует констатировать: как бы ни старались американские колонизаторы, сколько бы усилий они ни вкладывали в свой кровавый бизнес, а воздвигаемая ими стена сопротивления — неминуемо рухнет.

3

Малек, «непреодолимая стена сопротивления». Среди тех, кто в поте лица своего поддерживает эту глупую стену, мы видим и делегата Франции — мсье Шовеля.

Нельзя сказать, чтобы в данной ситуации он напоминал дипломатического исполнителя Атланта, пускающего в ход свою интеллектуальную мускулатуру. Нет. Мсье Шовель более всего напоминает обыкновенного «подпорку» — весьма стандартную деталь американского дипломатического обихода, широко применяемую тогда, когда позиция США оказывается весьма шаткой и вот-вот грозит рухнуть!

Любая «подпорка», как известно, обязана поддерживать, но ей несобственно мыслить. Эта особенность роковым образом сказалась на всех выступлениях представителя Франции в ООН. Чего-чего только не наговорил мсье Шовель (мсье Подпора тот!), чтобы поддержать столь же разъяренную, сколь и бесповоротную аргументацию министра Остина! Оказывается, советский делегат, председательствующий на сессии, залумал не более и не менее как нарушить солидарность между американскими «подпорками», изолировать США, несправедливо изобразить эту целомуудренную державу как агрессора и, наконец, отсюда — из Лейк Саксеса... «содействовать Корейской народной армии».

Нагромодив всю эту кучу «обвинений», мсье Шовель приступил к главной цели своего выступления — к откровенному оправданию агрессии США в Корею, выпоняя, таким образом, главную функцию подпорки.

Во всем его выступлении, как и в случае грязной воды, видна та позорная линия пресмыкательства перед Уолл-стритом, какой придерживается сейчас правительство Плевена.

В этом совершенно не трудно убедиться, если сопоставить, скажем, выступление Шовеля в Совете Безопасности и одновременно опубликованный во французской печати меморандум правительства Плевена на послу США во Франции Дэвиду Брюсу. Правительство Плевена — правительство американских колоработников и прямых пособников поджигателей войны — выражает полное согласие капитулировать перед всеми требованиями Уолл-стрита, вплоть до поставки пушечного мяса и ассигнования 2.000 миллиардов франков на подготовку войны сверх и так крайне раздутого военного бюджета.

Газета «Юманите» с полным основанием назвала этот постыдный меморандум «милитаристским примером несдычайной рабской покорности» магнатам США, перед которыми министры, во главе с Плевеном, пытаются распахнуть двери всей страны с возгласом: «Приходите и владейте нами!».

Таким же примером несдычайной рабской покорности являются и все речи мсье Шовеля в Совете Безопасности. Они замешаны на тех же «дрожжах» покорности интересам доллара, продиктованы теми же стремлениями оковать народные массы, затормозить движение сторонников мира в любой точке земного шара.

И если мсье Шовель является американской подпоркой в единственном числе, то правительство Плевена выступает как ансамбль подпорок, как кабинет подпорок, ибо все сил стремительно предугреть ладные той «стены сопротивления», которую мастер Брюс столь лихоходно пытается воздвигнуть против народов Европы. «События надо рассматривать с прозорливостью и ясностью ума», — неосторожно заметил мсье Плевен в одном из своих

Полнейший успех воспользоваться своим светом, и тотчас ему на помощь бегут другие подпорежки. — так картинно изображал английский представитель в Совете Безопасности г. Джебб ситуацию на Дальнем Востоке. Вопреки фактам, он вновь попытается изобразить американскую агрессию, как подпорежскую агрессию. Но в одном он прав. Лейбористские правители Англии не жаждут сил, чтобы показать, что они первые и самые усердные помощники в любом самом грязном мероприятии Уолл-стрита.

Господин Джебб в своей речи мобилизовал весь арсенал буржуазной пропаганды для обоснования джваких утверждений Ачесона и Остина о том, что Северная Корея якобы является агрессором. Поистине во всем г. Джебб рабски следует за г. Остином. Даже невежество г. Джебба — и то чисто американского происхождения. Нет нужды говорить, что г. Джебб угольно поддерживает все американские «продолжения», подхватывает все антисоветские инсинуации г. Остина. Разумеется, английский делегат выступает за немедленное приглашение представителя левымнаповской кляки для участия в заседаниях Совета Безопасности и, не взирая на то, что Англия заявила о своем признании Китайской народной республики, неизменно оказывает поддержку гонимому «депутату» в Совете Безопасности.

Пока Джебб защищает американских агрессоров в Совете Безопасности, Эттли и Бевин стараются оказать практическую помощь своим хозяевам на Вашингтоне. Так, английское правительство заявило на днях о своем желании ежедневно тратить три миллиона фунтов стерлингов на вооружение. Эта мера, по существу, означает прекращение гражданского производства на производстве бесприпасов. Мало того. Английские правители усердно заботятся о покупке мяса для американских авиаторов. 11 августа лейбористский кабинет срочно собрался на совещание с целью рассмотреть предложение о продлении срока военной службы. Таким образом, речи Джебба в Совете Безопасности вытекают целиком и полностью из политики прислужничества перед Уолл-стритом, провозглашенной лейбористскими учениками Черчилля по агрессии.

Конечно, не все обстоит хорошо в англо-американском сотрудничестве. Нет-нет, да и г. Эттли начинает грызть червь сомнения. Лейбористы не на шутку напуганы военным фiasco американцев на Дальнем Востоке. «Какие гарантии», — робко спрашивает английский премьер, — Соединенные Штаты предоставят Англии, в случае если она поддержит американские мероприятия?»

Беспощадно г. Эттли и другие обстоятельства. «Достойно внимаю», — пишет корреспондент «Нью-Йорк Джорнал энд Американ», — резкое изменение в отношении к американцам — антипатия, ненависть и даже гнев, вызываемые союзками военно-воздушных сил, в которых говорится о сотнях тонн бомб, сброшенных на Корею».

Но американский жандарм не дремлет. Малейшая тень неповиновения вызывает с его стороны новый выжим. «По последним сведениям», — сообщила газета «Де Ваард», — Труман лично дал указания начальнику американских штабов по особому распоряжению не включать Англию в разрабатываемую программу дополнительных поставок вооружения Западной Европе».

Навалася грузом — полезай в кузов! Стад подпорежки — соблюдай субординацию и дисциплину! — такое приказ Уолл-стрита. И г. Джебб старательно повторяет в Совете Безопасности все аргументы Остина, боясь отклонений хоть в одном слове.

ЛИТЕРАТОР

На собрании ленинградских писателей

ЛЕНИНГРАД. (Наш мор.) На собрании поэтов, прозаиков, драматургов и критиков, посвященном четвертой годовщине исторического постановления ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», были подведены творческие итоги работы писателей Ленинграда. Докладчик В. Чирсков подчеркнул, что историческое постановление, принятое по инициативе товарища И. В. Сталина, сыграло важнейшую роль в развитии всей советской литературы, помогло ленинградским писателям в их дальнейшей творческой работе. Возросла творческая активность писателей Ленинграда; прозаики, поэты, драматурги настойчиво и плодотворно работают над темами нашей современности, активно участвуют своим словом в борьбе за мир.

И все же, говоря об определенных достижениях ленинградского отряда писателей, собрание должно было признать, что ими сделано далеко не все для выполнения постановления Центрального Комитета.

Работа ленинградских писателей, сказал В. Чирсков, все еще отстает от возросших запросов народа. Докладчик

отметил свойственной некоторым литераторам Ленинграда суженность горизонтов, отсутствие широкого государственного взгляда на изображаемые явления. Подобным сужением большой темы, считает он, страдают повесть В. Павловой «Ясный берег», цикл стихов «Слово о Родине» А. Прокофьева, поэма «Ленин в Горках» В. Саянова.

О задачах повышения художественного мастерства в литературной работе говорил на собрании Вера Павлова.

— Мы перестали уже прощать друг другу идейные ошибки, но непрережимо легко прощаем художественные промахи, — сказала она. — Когда речь идет о художественном качестве произведения, почему-то мы становимся очень добрыми людьми. Это мешает росту нашей литературы.

Участники собрания отметили неудовлетворительное состояние критики в Ленинграде. Она попрежнему не уделяет достоятельного внимания вопросам марксистско-ленинской эстетики, в ней все еще не ликвидирован вопиющий разрыв между современной критикой и литературоведением. Даже литературоведы, возглавляющие

ленинградскую литературную организацию и редколлегию журнала «Звезда» (А. Демин, В. Дружинин), считают возможным устраниваться от серьезного повседневного участия в оценке современных произведений.

В Саянов и другие писатели горячо говорили о гениальном труде товарища Сталина по вопросам языкознания, указывая на путь, по которому должно идти развитие нашей литературной науки. Сталинские указания о свободной борьбе мнений, свободной критике требуют от нас разрывания широких творческих дискуссий, и это делает особенно нетерпимыми вольности нашей литературной критики, равнодушие литературоведов к современной литературе.

В докладе и прениях были затронуты многие вопросы ленинградской литературной жизни, но как это ни странно, на собрании, посвященном постановлению ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», очень мало говорилось о журнале «Звезда». В. Чирсков в своем докладе удемя журналу слишком незначительное место, хотя, по его словам, никаких оснований для самоуспокоения у редколлегии «Звезды» нет.

В секретариате ССП СССР

Секретариат ССП обсудил ход подготовки к Декаде азербайджанской литературы. Декада будет проведена в ноябре этого года в Москве. Союз советских писателей создал большую группу московских поэтов и прозаиков — переводчиков, часть которых уже выехала в Азербайджан. Ведущие московские драматурги и очеркисты будут участвовать в переводе и редактировании азербайджанских пьес и очерков.

В издательствах «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Искусство» и Гослитиздат находятся в производстве лучшие произведения азербайджанских писателей: сборник стихов С. Рустама «Два берега», романы М. Ибрагимова «Настоящий день», М. Гусейна «Апшерон», повесть молодого писателя Г. Сеидбеяли «У нас в Астаре» и другие. Все эти книги должны быть выпущены в свет к предстоящей Декаде. Журналы «Новый мир», «Знамя», «Ок-

тябрь» и «Звезда» готовятся опубликовать в своих октябрьских и ноябрьских номерах новые произведения азербайджанских прозы, поэзии и критических статьи. Задача правления ССП Азербайджана — обеспечить своевременное представление рукописей в редакции журналов. Секретариатом решено и впредь заслушивать сообщения бюро комитетов по литературам народов СССР о ходе подготовки к Декаде.

О рыбе дальней и ближней

А. КОВАЛЕНКО

ШТРАФНАЯ ИДИЛЛИЯ

Местные жители утверждают, что в реке Перетне водятся форели. Глубокая, порожистая Перетна, впадающая во Мету, славилась отменно чистой, студеной водой, и вполне возможно, что форель развивалась в ее омутах и на пенных перекатах.

Но если форель не так часто попадалась в верши местных рыбаков, то уж доподлинно известно, что Перетна облюбовала щуками, красноперыми голавлями и зайбицами по коряги налимками.

Стада ходили на водопой к заросшим кувшинками прудам; колхозники с лодками выехали в жаркие дни, после трудов, люди купались в свежей речной воде.

Так было, когда на бумажной фабрике, которая входит в Окуловский целлюлозно-бумажный комбинат и расположена в верховьях Перетны, исправно работали фильтры и отстойные колоды.

Но весной 1946 года дирекция комбината осмелилась думать: к чему тратить силы на ремонт фильтров и устройство новых отстойников? «Выгоднее» платить штрафы за спуск неочищенных сточных вод...

Постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 7 августа 1937 года гласит, что размер платы за спуск сточных вод с предприятий в водосток и открытые водоемы взимается до 10 коп. за 1 кубометр сточных вод. Ознакомившись с этим параграфом закона, дирекция комбината отослала все предостерегающие меры по очистке сточных вод, приготовила сумму для соответствующего штрафа, и... поплыла вниз по реке пыльные ядовитые хлопья отходов бумажного производства вперемежку с косяками дождя, вдуваемой, гниющей рыбы.

Чистые воды Перетны окрасились в мутно-коричневый цвет. На протяжении сорока километров и дальше — после впадения Перетны во Мету — к озеру Ильмень пошел вонючий, заражающий воздух поток. Жители деревень Верешино и Перетненка не могут купаться, стирать белье, брать речную воду для полива огородов. В pioneer-

ских лагерях, расположенных в окрестности, пришлось принять меры, чтобы ограждать ребят от желудочно-кишечных болезней.

А в Кулотине на джутовой и льнообрабатывающей фабрике (она расположена на той же Перетне, десять километров ниже Парихина, где находится бумажная фабрика) стали выходить из строя паровые котлы. Смешанная с отходами парихинского производства вода засоряла конденсаторы и фильтры.

Разумеется, что в дирекцию комбината не замедлил явиться инспектор по санитарному надзору.

— Выноваты, ничего не попишешь, — сказал возмущенному инспектору комбинатское начальство. — Определите размеры штрафа, и мы имеем надлежущую сумму местным финансовым органам...

Штраф уплатили, а засорение общественных водоемов сточными водами продолжалось. Через некоторое время представитель Окуловского районного отдела здравоохранения вновь явился с напоминанием: необходимо, дескать, внести очередной штраф...

Так было не раз и не два. А между тем параграф третий закона об охране общественных водоемов четко разъясняет: «Плата за спуск сточных вод расходуется исключительно на мероприятия по очистке загрязненных вод и очистке местностей, загрязненных сточными водами, как-то: на устройство отстойников, выгребов, биологических установок, полей фильтрации, полей орошения... а также устройство срубных и буровых колодезь».

Местные органы коммунального хозяйства, в обязанность которых входит исчислять и взимать плату за спуск сточных вод, могли бы, вероятно, построить новую фабрику на эти суммы. Ведь платят

их парихинские нарушители законов с 1946 года. Платят по сей день.

Однако каких бы то ни было санитарно-защитных мероприятий в Парихине и его окрестностях не наблюдается. Попрямеем вниз по реке: трава, плывущая по мертвым водам Перетны нечистота, и уже за десятки километров от Парихина жители местных колхозов вынимают из сетей дохлую рыбу.

Штрафы, как известно, существуют не для того, чтобы поощрять нарушителей. Но в данном случае это так. Средства, выплачиваемые дирекцией Окуловского комбината за спуск нечистот в общественные водоемы, оседают, так и не выплавив на поверхность, где-то в недрях района.

Эту идиллию никто не нарушает. И обманывается это в первую очередь тем, что Министерство финансов РСФСР не контролирует расходование сумм, получаемых коммунальными органами в результате штрафов.

В 1949 году к постановлению о мерах по ликвидации загрязнения и санитарной охране водных источников было сделано важное дополнение, устанавливающее систему персональных штрафов. Четко записано: если истек срок, который дан для исправления нарушений, — штраф лично платит директор предприятия. И штраф этот солидный — до 500 рублей в месяц.

Думаю, мне, — если б уполномоченный Госсанинспекция по Поворорскому области тов. Улучек действительно применял этот пункт постановления, картина в районе была бы другой.

Дохлая рыба, конечно, не оживить. Но интересы населения, интересы государства настоятельно требуют, чтобы директор Окуловского целлюлозно-бумажного комбината Перовский-Кондратюк перестал наносить ущерб природе целого района.

Пора покочить со штрафной идиллии!

М. ИВАНЕНКО

председатель правления колхоза имени Ново-Оскольского района, Курской области

СВОЯ РЫБА

Большие реки нашу Курскую область обилие. Озер тоже нет.

Но вода в протче есть. Она берет родничками, собирается в ручейки.

Одна из задач великого Сталинского плана реконструкция природы заключается в том, чтобы эту бесценно уходящую воду остановить, сделать полезной.

Через земли нашего колхоза имени Н. С. Хрущева протекает широкая балка. По ней же сочилась ручья. Земля в балке была бездоходная — ямы, кусты да осыпа.

Весной 1949 года мы построили поперек балки земляную плотину, загромождали ручью дорогу. Разлилась вода, наполнила всю впадину — широкое водное зеркало, площадью в 20 гектаров.

Пруд дал возможность пустить свою колхозную электростанцию, он охраняет от засухи, позволяет разводить водоплавающую птицу.

Еще до окончания строительства плотины мы заказали в государственном плотинном производственном материале, и как только пруд наполнился водой, над нами селом Ново-Ивановкой заревет мотор. Самолет опустился на берег недалеко от пруда. В кабине находились плоские ящики с решетчатым дном, в них на влажной гонимке лежали маленькие живые карпы-голавчики весом по 25 граммов.

К самолету бежала толпа детей и подростков. Летчик объяснил им, в чем дело, и ребята быстро схватывали ящички, несли к пруду и выпускали рыбок в воду.

Всего было выпущено в пруд 10 тысяч маленьких карпиков.

Рыба не требовала никакого ухода, заботы. Она питалась естественным кормом, росла, нагуливая жир, и к осени каждая из них достигала веса 500 граммов.

Осенью начались сомнения, колебания: как поступать дальше? Я знал, что осенью воду из пруда надо спустить и всю рыбу

выловить. Но многие колхозники держали иного мнения, горячо спорили.

— Надо подождать годика два, чтобы рыба стала крупной и начала метать икру.

Все же в конце концов решили исполнить указания специалистов-рыбоводов, спустили пруд и выловили всю рыбу. Оказалось, что поступили правильно, но колхозы, оставляющие пруды без ежегодного облова, совершают ошибку. Это все равно, как если бы рожи не убрала осенью с поля, а оставляла бы на корню для самосева. В последующие годы такие поля одичают, зарастут сорняками и никакую урожай от самосева не будет.

Так и в прудах. Когда рыбы в пруде разведется сверх меры, становится мало корма. Вдобавок в непродуктивных прудах разводятся много пестряки и другой сорной мелочка. Она тоже отнимает корм. А дикий нерест ничего не дает, потому что взрослая рыба поедает крошечных рыбок, «выключившихся из икры». Поэтому пруд, как поле, надо каждую весну засеивать и каждую осень облавывать. Тогда только будет культурное хозяйство.

Осенью прошлого года мы взяли из пруда 50 центнеров хорошо упитанного карпа.

В Курской области были созданы крупные государственные рыболовецкие хозяйства: «Блютики», «Октябрь», «Спартак» и «Прогресс». Продуктивность их достигает 9 центнеров рыбы с гектара пруда.

В беседе с нашим корреспондентом зам. председателя Курского облисполкома тов. Е. И. Калининича сообщила по этому поводу:

— Государственные хозяйства служат базой для развития колхозного рыболовства. Кроме товарной рыбы они выводят миллионы штук карпа-голавчика и снабжают колхозные пруды.

Часть рыбы раздали по трудным, остальную продали. Общая стоимость выловленного карпа составила 40.000 рублей. Строительство пруда обошлось нам в 20.000 рублей, карпы-голавчики, посаженные весной в пруд, стоили вместе с доставкой на самолете 4.000 рублей, охрана пруда в течение лета — 1.250 рублей, осенний облов занял 10 трудодней. А больше не было никаких расходов. Таким образом, в первый же год рыба оправдала все затраты по устройству пруда и дала прибыль. Следующие годы станут давать чистый доход.

Глядя на нас, соседний колхоз имени 1 Мая построил в этом году на продолжении нашей балки и нашего ручья пруд, площадью в 40 гектаров, и пустил 30 тысяч мальков карпа.

И вот теперь мы берем из балки триста пудов свежей рыбы, а соседям возмужать из нее шестьсот пудов. Разводить рыбу местную под силу каждому колхозу, под силу, благодаря развитию нашей зоотехнии, благодаря авиации, всему техническому и культурному росту, который дали нам советская власть и колхозный строй.

В последние годы колхозное рыболовство развивается успешно. За пять лет площадь прудов увеличилась в Курской области более чем в десять раз.

В текущем году рыбозаводы и колхозные пруды Курской области дадут 10.000 центнеров рыбы. Это, конечно, еще мало, но для начала неплохо.

В будущем году площадь колхозных прудов увеличится до семи тысяч гектаров. К 1955 году будет построено четыре тысячи прудов. И если исчислять их продуктивность по минимальному уровню — в два центнера, то и в этом случае мы будем иметь 100 тысяч центнеров рыбы.

МУЖЕСТВО И РАВНОДУШИЕ

Юрию Шкатову двадцать семь лет. Этот молодой человек из города Куйбышева заслуживает того, чтобы о его жизни узнала советская общественность.

Семилетним мальчиком Юрий Шкатов тяжело заболел. Суставной ревматизм на всю жизнь приковал его к постели.

И вот уже 19 лет, как Юрий не может ходить, двигаться, даже сидеть. Он неподвижно лежит на спине.

Тяжелый недуг изуродовало тело, ноги, руки Юрия, но не смог сломить волю к жизни и деятельности. Продолжая неимоверные трудности и физическую боль, он упорно шел к намеченной цели — быть человеком, полезным советскому обществу.

Для того чтобы читать и писать лежа, он сам сконструировал специальное приспособление, с помощью которого можно перелистывать страницы книги и пододвигать к себе бумагу.

Шли годы. Прикованный к постели Юрий заочно окончил среднюю школу, поступил в Институт иностранных языков и тоже заочно окончил его. Мало этого: он успешно закаливает специальные однодневные заочные курсы совершенствования и становится переводчиком с английского. Что делать дальше?

Юрий Шкатов шлет письма в редакцию журналов Москвы и Ленинграда, предлагает свои услуги в качестве переводчика.

Ответ отрицательный, переводы в Куйбышев посылать затруднительно.

Но Шкатов не унывает. Связавшись с иностранной комиссией Союза советских писателей, он получает учебники и приступает к изучению болгарского языка.

В своем письме в редакцию «Литературной газеты» Юрий писал:

«Я почти все время лежу в постели, но всегда, всей душой стремился к жизни и хотел быть в ней полезным человеком...»

Специальный корреспондент «Литературной газеты» выехал в Куйбышев, чтобы помочь Шкатову найти свое место в жизни. Он поблизил Юрия.

Молодой человек вместе с матерью живут в поселке Зубчино, в 25—30 километрах от центра города, в маленьком небогатом доме. Зоя Сергеевна Шкатова работает в городе на телеграфе, и целый день Юрий один, ему помогает старуха тетка.

Зоя Сергеевна, скромная советская труженица, мужеством переносила невзгоды, делала все возможное, чтобы облегчить тяжелую долю своего сына. Она не обращалась за помощью даже к своим коллективу, но жаловалась на трудности, которые она и ее сын испытывали.

Только от корреспондента московской газеты узнали руководители куйбышевских организаций о подвиге своего земляка. Узнали — и устыдились своей неосведомленности и решили оказать ему помощь.

Минувшей зимой в маленькой комнате Юрия парило оживление. Больного навестила секретарь обкома комсомола тов. Соколова, заведующий сектором печати обкома партии тов. Юсичкин, ответственный секретарь редакции газеты «Волжский комсомолец» тов. Вершинин. К Шкатову приехали медики — профессор Каушкин и доктор Макаров. Городской отдел социального обеспечения стал хлопотать о персональной пенсии, городской совет — подыскивать комнату в центре города и т. д.

Казалось, дело сделано. В Куйбышев узнали о Юрии Шкатове и приняли меры, чтобы помочь ему, помочь стать активным участником борьбы за коммунизм.

К сожалению, это далеко не так!

Перед нами несколько писем товарища Шкатова, написанных в последнее время. Все обещания до сих пор не выполнены. Ни работы, ни комнаты, ни персональной пенсии он не получил.

И даже навещать перестали. А сейчас новая беда — серьезно больна мать, и молодой человек чувствует себя совсем заброшенным.

Трудно и горько считать некоторых ответственных товарищей из города Куйбышева людьми равнодушными и безответственными. Но других слов не подберешь!

Юрий Шкатов не отчаивается. Он знает — Родина поможет своему преданному сыну.

В мире советской науки

НОВАЯ КАРТА НАШЕЙ СТРАНЫ

Перед нами единая гипсометрическая карта СССР, изданная Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Тридцать два листа ее занимают пространство в четыре метра длиной и два с половиной метра высотой. Это результат многолетних работ большого коллектива советских географов и картографов. Новая карта не только дает общее представление о рельефе всей нашей страны, но точно и детально изображает ее отдельные, но изученные ранее районы.

При первом взгляде на карту видишь знакомые очертания великой русской равнины, Уральских и Кавказских гор, высочайшие хребты Центральной Азии, обширную Западно-Сибирскую низменность, Средне-Сибирское плоскогорье, многочисленные горные цепи Дальнего Востока. Но, всматриваясь в нее, замечаешь, что многие районы нашей страны, и особенно северо-востока ее, изображены на карте по-новому. Рельеф и речная сеть показаны здесь иначе, чем они изображались на картах до сих пор. Вот, например, хребет Черского и

некоторые части Верхояны на Дальнем Востоке, или горы Путорана и Средней Сибири. Эти малонаселенные части СССР до последнего времени были известны географам лишь в общих чертах и изображались на картах по догадке. В последние годы и эти отдаленные районы детально изучены геодезистами.

Впервые сделана попытка нанести на гипсометрическую карту СССР подводный рельеф морей и океанов. Еще недавно ученые мало интересовались песками пустынь и полупустынь, считая их бесплодными. Ныне пески, занимающие обширные площади среднесибирских республик СССР, хорошо изучены и детально показаны на карте.

Русским ученым издавна принадлежало первенство в области научного изображения рельефа на картах. Это первенство было завоевано еще трудами известных русских ученых А. А. Тило и Ю. М. Шокальского. Новая гипсометрическая карта СССР — ценный вклад в изучение природы нашей великой Родины.

ОРЕХОВЫЕ ЛЕСА

На высоком горном склоне стоит деревобогатый. На 20 метров высь поднимается его крона. Столб — полтора обхвата. Уже 160 лет встречает оно восход и закат солнца. Далеко вокруг распространяется аромат его листьев и темнооливковых плодов. Это грецкий орех.

В лесах Джалал-Абдской и Ошской областей Киргизии много таких старых ореховых деревьев. Основную массу составляют деревья в возрасте более ста лет. Они покрывают горные хребты на высоте 1200—1700 метров над уровнем моря на площади свыше 40 тысяч гектаров. Этот массив входит в состав лесозаповедника, занимающего около 500 тысяч гектаров. Орех произрастает вместе с дикими яблонями, грушей, вишней, алычой. Тут же кусты финишки, миндаля, боярышника, крупноплодного шиповника, барбариса, жемчужницы.

Ореховые леса это реликты — островки древней вымершей флоры. Они представляют исключительный научный интерес. Ученые читают по ним, как по открытой книге, эволюцию современных видов растений, используют их для создания новых ценных растительных форм. В течение многих лет изучением этих лесов занимается Киргизская научно-исследовательская станция Института леса Академии наук СССР. Здесь можно видеть молодые ореховые саженцы, выходящие из почвы на «стариков» своей высокой урожайностью. К этим саженцам работники станции прививают черенки для галки наиболее морозостойких, урожайных, с высоким ка-

чеством плодов разновидностей ореха. Отбор их производится в результате длительного изучения естественного лесного ассортимента.

Велико народнохозяйственное значение южно-киргизских лесов. Они защищают от знойного солнца горные потоки, снабжают водой орошаемую систему Ферганской долины, поставляют две трети всех орехов и финишек, заготавливаемых в нашей стране, и снабжают фруктами консервные фабрики. Киргизские леса — самый мощный в СССР источник ореховой древесины, идущей на особо ценные изделия.

Пять лет назад южно-киргизские леса были объявлены государственным лесопарком заказником. Партия и правительство заботится не только о сохранении, правильном использовании, но и об увеличении единственного в мире огромного массива орехо-плодовых лесов. Недавно Совет Министров СССР принял решение улучшить охрану заказника и значительно увеличить его площадь, а также превратить часть диких лесозаповедов в культурные сады. Уже в ближайшее время начнется подготовка почвы на площади 1000 гектаров для посева новых плодовых растений. За пять лет будет засажено десять тысяч гектаров земли. 225 тысяч отводков ореха и 350 тысяч других диких деревьев превратятся благодаря окультуриванию в культурный горный сад.

Письмо в редакцию

В связи со статьей Е. Ковальчик «Об одной попытке зажима критики» («Литературная газета» от 1 августа) считаю необходимым сообщить следующее:

Статья эта, в основном, правильная. Обсуждение статьи М. Руденко на расширенном заседании Бюро политической секции 5 июня с. г. справедливо может быть расценено как попытка зажима критики. Мое выступление на обсуждении не могло содействовать развитию критики и самокритики.

В писательской организации Украины, несомненно, имеет место серьезное отставание критики от других жанров литературы. Надо отметить, что украинские критики добились определенного успеха в работе над двухтомным курсом истории украинской литературы, включением и советский период, появились книги, посвященные проблемам современной литературы, социалистической эстетики и т. п.

Но всего этого, безусловно, мало. Критики отстали от творческой жизни. Комиссия критики и теории литературы Союза писателей работает плохо, не мо-

жет удовлетворить нас и положить предел в украинской «Литературной газете» и критических отделах литературных журналов.

Недостаточное внимание вопросам развития критики улетает секретариат ССР Украины. Несомненной ошибкой секретариата является тот факт, что до сих пор не обсуждались итоги XIII пленума правления ССР Украины.

Перед писательской организацией Украины стоит неотложная задача — решительно двинуть вперед развитие литературной критики, помогая росту и совершенствованию критических кадров, смело выдвигая молодые критические силы.

Сейчас украинские писатели готовятся к очередному, IV пленуму правления ССР Украины, который состоится в ближайшее время. Пленум обдумает доклад о состоянии и задачах литературной критики на Украине и примет пути дальнейшего развития украинской советской литературы.

Л. ДМИТЕРКО,
зам. председателя правления Союза советских писателей Украины

А. МАРЬЯМОВ

Бальзак К столетию со дня смерти

Над гробом Огюста де Бальзака, автора «Человеческой комедии», Виктор Гюго сказал:

«Сам того не зная, хотел он этого или не хотел, согласился бы он с этим или нет, — творец этого огромного и необычного произведения был из величайшей породы писателей революционных...»

Для всякого, кто знаком с творчеством Бальзака, справедливость этих слов бесспорна.

Однако в современной французской литературе слишком много людей специально игнорируют на малопочтенном, но пока еще доходном деле: они утверждают, что Бальзак является черным, а черное — белым. Великих они склонны представлять дилеттантами, а лиялшувов — великими. И эта склонность коренится в причинах, более сложных и значительных, нежели злобная зависть карлика.

Революционное значение Бальзака литераторы этого толка объявляют... русской выдумкой. Реакционная французская газета «Фигаро», помещая статью о Бальзаке, хихикает: это, дескать, только у нас, в СССР Бальзак считается «прогрессивным» писателем...»

Слово «прогрессивный» газета берет в кавычки. Вероятно, «Фигаро» не хочет уверить своих читателей, что и само слово «прогресс» злобно выдуманно в Москве.

Над могилкой Бальзака происходит горячее столкновение.

Это не академический спор. Это — одно из многих арвергардских сражений обреченного класса с классом-победителем, один из боев «холодной войны».

Почему же в этой войне Бальзак оказался опасным противником буржуазии?

Такая роль его неизбежна и закономерна.

В девятнадцатый век Франция вступила, как буржуазное государство. Буржуазия одержала полную победу над старыми феодальными строем, ввергла в новую кабалу вечерних союзников по баррикадам — ремесленников и рабочих и по-своему сформировала общество.

И вот на это буржуазное общество, — на самой заре его существования, когда оно было совсем молодым, опьяненным победой и переживающим свое торжество, — пристально взглянул очень зоркий, умный и необыкновенно талантливым писатель.

Он так и определил свою задачу: «Литература есть выражение общества». Стремясь «выразить общество» своего времени, он писал роман за романом, прославив себя не только талантом, но и нечеловеческим, почти непостижимым трудом. Он воздвигал из этих романов эпосов, как воздвигают гранитное здание.

Таким могучим зданием и выросла в литературе «Человеческая комедия», написанная Огюстом де Бальзаком.

Бальзак говорил об искусстве: «Задача искусства не в том, чтобы копировать природу, а в том, чтобы ее выразить... Впечатления! Впечатления! Да ведь они случайности в жизни, а не сама жизнь!» Он художник, не поэт, ни скульптор не должны отделять впечатление от причины, которые нераздельны одно в другом. Вот в этом и заключается истинная борьба».

Показав буржуазное общество таким, каково оно было в момент своей юности и своего торжества, Бальзак показал его обреченным.

Он писал о положении рабочего в этом обществе: «Рабочий, пролетарий, человек, шлепавший ногами, кулаками, языком, ступней, только своей рукой и пятой своими пальцами, чтобы жить, — так вот, этот

человек, который больше всех других должен бережливо расходовать основу своей жизни, превозмогает свои силы, запрятав жобу в какую-нибудь машину, заставляет работать своего робота, приговора и его к одному из колес механизма. Фабрикант, представляющий собою самую, что ни на есть второстепенную дружинку, приволакивая в движение этот народ... является к людям лета и воли, труда и терпения с обещанием огромного заработка, то соблазняет их столичными прихотями, то маня их на зов чудовища, именуемого Спекуляцией».

Он показал фабриканта и банкира, показал художника, порабощенного буржуазией; он написал о буржуазном Париже, где живут все эти люди: «...там нет более близкого родственника, чем стофанковый билет, нет иного друга, кроме закладной карты».

Картины «Человеческой комедии» служат великолепной иллюстрацией в гневных словах «Манифеста коммунистической партии», — песни песни марксизма и смертного приговора буржуазии.

Недаром Маркс писал о Бальзаке, что это писатель «замечательный по глубокости понимания реальных отношений...», а Энгельс называл его «гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Зоя прошлого, настоящего и будущего...»

Грандиозная галерея типов «Человеческой комедии» — мелкие и страшные, но не менее страшные финансисты, вроде Тайфера и Нусингена, — прекали пыльных Рокфеллеров, Ротшильдов, Крупных; порожденные властью чистогана, бесцеремонные и растленные карьеристы, — также, как Растиньяк; погранные, разме-

ненные таланты, подобные Люсьену Шардону; котировки Вотрен, стремящийся к богатству и мечущийся влуху:

«Куда же я разбогатею, меня не спраст: «Кто ты такой? Я буду господином Четлере Миллиона, гражданином Соединенных Штатов...»

Вот ведь какой, кстати сказать, точный и многозначительный штрих: значит, уже и тогда, на самой заре расцвета и молодости буржуазного общества, было это: стоило котировку разбогатею на грабежи и убийствах, и он немедленно начинал видеть Соединенные Штаты своей единственной и желанной духовной родиной. Современная аристократия США выдает за ямбле своих предков белые паруса корабля «Майский петух», привезшего на американскую землю первых английских переселенцев. Но подлинной эмблемой американских «королей доллара» следует считать каскет Вотрена. Многие stanno понять, если восстановить эту историческую правду...»

Верность исторической правде сделала Бальзака таким, каков он остался в литературе. Его книги неизмеримо крупнее, нежели его политические убеждения, и судьба его как художника несравненно значительнее личной его жизни.

В книгах он никогда не позволял себе лести, и потому вдохновенный и честный республиканец Мишель Кретьен стал одним из немногих положительных героев «Человеческой комедии». Бальзак парсавал портрет приподнятого и чистого волонера Буржа. Бальзак говорил: «Бальзородный тип встречается только в народе».

Сила жестокой правды, пронзенной над колыхающейся французского буржуазного государства, особенно остро ощущается теперь.

Злые люди в старости особенно разражались и злопачитаны. Они вспоминают давних врагов и читают мстить им, делаясь еще более отвратительными в своем бесчестии.

Так поступила буржуазная Франция с памятью Бальзака.

Наступившую в прошлом году 150-летнюю годовщину со дня его рождения она использовала для того, чтобы залить память о великом писателе потоками грязи и клеветы. Кто только на ташил свое зловоное ведро к этому потоку.

Католический червоточивый Франсуа Морнак писавал, что «свершений реалом» Бальзак приводит его в ужас. Реакционный знаменщик Александр Арну, обещавший перевернуть махну ручкой: «Я считаю, что «Человеческая комедия» — почти детская книжка». Дамы, зарабатывавшие себе на пропитание писанием порнографических книжек, Мария де Ардуэн, высказалась так: «Бальзак, как человек, мне нравится. Бальзак, как романтик, — значительно меньше... «Человеческая комедия» — это обман зрения».

Все это было высказано ими не в личных беседах за столом кафе, но на страницах французской литературной газеты, в специальном номере, посвященном памяти Бальзака.

И литературный представитель маршала-директор администрации в Париже, маститый американский похажив Гери Миллер тоже благоволил дагнуть ногой гранит великого творения. Для этого места французский журнал «Эспри» услужливо представил ему свои столбы:

«Я не испытываю чувства уважения ни к геркулесовым трудам Бальзака, ни к его чрезвычайной плодовитости, ни к его религии...» — провела Миллер, перевернув жемчужную резинку от щеки к щеке.

Отвратительно это? Конечно! Но в еще большей мере все это смехотворно.

Такая свистопляска могла бы стать позором Франции, если бы от лица французского народа не говорили другие голоса и если бы в те же самые дни память Бальзака не была почтена в Париже другими именами.

На XII съезде французской коммунистической партии Морис Торез призывал людей мысли и искусства к возобновлению

связи с великими традициями. Он говорил: «Мы понимаем, что, призывая писателей и художников занять подобающее место в великой битве за освобождение человечества, мы защищаем одновременно и будущее культуры и свободу. Мы сознаем, что и в этой области, как и в других, мы защищаем Францию, которую хотим вырвать из состояния экономического, политического и духовного упадка, чтобы она с новым блеском предстала перед всем миром».

Так звучит сегодня подлинный голос французского народа.

И народ этот дорожит творческим наследием великого писателя-реалиста.

«Бальзак сейчас — пробный камень для нынешней критики, — говорил прогрессивный французский публицист Андро Брюссер. — Официальные празднества по поводу даты его рождения и смерти превратились в жалкую комедию... Только прогрессивные писатели защищают память Бальзака, и если один из его романов был вычеркан недавно частями, то это было в «Юманите»».

Марсель Капен, обращаясь к товарищам по партии, писал: «Коммунисты должны знать произведение величайшего французского писателя XIX века Огюста де Бальзака. Знакомство с литературой и философией прошлого, они обогащают свой жизненный опыт и многому научатся».

Как и все лучшее в сокровищнице человеческой мысли и искусства, Бальзак принадлежит новому миру. Буржуазия страшно глядит в глаза в страны его книг. Они, как зеркало, отражают черты ее распада и тления.

Люди нового мира обращаются к этим книгам с благодарностью и любовью. Они проникают в историю, чтобы яснее увидеть будущее; они изучают врага, чтобы тоньше разить его. Наконец, они любят великое и вечно живое подлинное искусство, и потому берегут и оберегут Бальзака, воздвигнувшего бессмертное здание «Человеческой комедии».

Драгоценным качеством нашей литературы, залогом ее дальнейшего расцвета является приток все новых и новых писательских сил. Ежегодно на страницах центральных и областных изданий появляется множество произведений писательской молодежи, которые несут с собой новые темы, образы, сюжеты.

Советская литература сильна благородной горьковской традицией внимательного отношения к молодым писательским кадрам. Первая книга! Сколько гордости, сколько надежд в этих словах для молодого писателя.

Высока и ответственна роль редактора, который подписывает первую книгу, издательство, которое издает ее и оформляет. Бережно сохраняя индивидуальность автора, редактор должен помочь ему преодолеть недостатки, поддержать и выделить самое ценное и передовое.

Дружеская поддержка, принципиальный, без скидок, критический разговор о первой книге — залог успешного роста авторов. На этой странице мы печатаем статьи о первых книгах молодых писателей.

Д. ДЕМИРЧЯН

ОДНОПОЛЧАНЕ

Как узнается настоящий писатель?

Думаю — очень просто. Если писатель заставил забыть, что перед нами книга, и перед нашим внутренним взором раскрывается сама жизнь, подлинно живая, если перед нами проходит образы, в которых эта жизнь горит и трепещет, то, значит, мы имеем дело, если не с современным, то с формирующимся настоящим писателем.

Труднее распознать художественный дар в начинающем, молодом писателе. Вот он написал первый рассказ или повесть и ждет нашего приговора: достойна ли его вещь выйти в народ или ее придется не осуществлять? Думается, стандарт тут молодой писатель, которому можно сказать по долгу литературной совести: да, судя по первой книге, ты должен войти в литературу; работай, не покладая рук, слушай жизнь, дорога твоя определится.

Такие мысли приходят в голову, когда читаешь «Люди нашего полка», первый роман Серо Ханзадяна, напечатанный в 4—8-й книжках армянского журнала «Советская литература и искусство».

Роман «Люди нашего полка» посвящен ленинградскому эпизоду. В составе полка — представители многих братских народов Советского Союза, партийные и непартийные бойцы. В одном взводе — русские, армяне, белорусы, грузины, азербайджанцы, татары.

Полк переходит в наступление...

События и люди, изображенные в романе, во многом знакомы нам по другим произведениям о Великой Отечественной войне. Но я отнюдь не считаю это признаком «однотипности» произведений. Подлинно художественные произведения различны в другом: каждый писатель вносит в литературу свое, особое, неповторимое, что увидит он в простом и великом герое, имя которому — советский человек.

Главного героя, собственно говоря, в этом романе нет. Армянин Ашот, который вместе с любимой девушкой Аникой Фигуринет в начале романа, дальше показан больше всего среди своих товарищей, в коллективе. Вместе с другими равными себе бойцами Ашот участвует в развращающих событиях романа.

В «Люди нашего полка», решается очень важная тема советской литературы — тема единства братских народов. Читая роман, не только понимаешь, но чувствуешь, почему советские народы живут одной сплоченной семьей, почему дружно сражались на войне. Общая всем им заинтересованность в победе, общая преданность Родине — неотъемлемая природа нашего социалистического общества — представляется в романе как закономерный результат всей советской системы воспитания.

На арене исторических событий в боях за Родину поколение, рожденное революционным и переломными временами, верило в судьбу человечества. Это новые люди, воспитанные Сталиным. И Серо Ханзадян сумел просто, правдиво показать новые нормы их сознания и поведения, их оптимизм и преданность народу. Характеры героев романа как бы образуют большой единый советский характер.

Роман Серо Ханзадяна представляет собой по преимуществу бытописательские жанры полка. Среди подвигот и будней войны люди полка живут, мечтают, любят, рвутся к победе, и в каждом шаге их, как каждый помыслит чувствительнее горюче сердце советских воинов, любящих и защищающих советскую Родину так, как никто и никогда.

«Советская литература и искусство», № 6 4-3, 1950 г.

Валдим ЛУКАШЕВИЧ

Спор очевидца с художником

В книге Ивана Фролова «Столбовая дорога» своеобразно совместились воспоминания бывшего человека и творчество писателя. Во всех рассказах этой небольшой книги, написанных от первого лица, повествуется о работе советских геологов в Казахстане — где-то у озера Балхаш, возле Караганды, на реке Есиль и т. д. И. Фролов рассказывает о том, как два молодых геолога, идя по следам легендарного казахского сказки (Серебряная скала), с помощью казахов-колхозников нашли залежи оловянного камня (раскал «Серебряная скала»), как коллектив разведчиков недр, чтобы скорее ввести в эксплуатацию рудник, занимаясь в годы войны у недр открытого месторождения («Большая ворота»), как на шахте из-за плохой геологической карты не ожидало потеряться рудный пласт, и молодой инженер Вера Степановна Смирнова, поняв ошибку главного геолога, нашла этот пласт («Потерянный пласт»). Наши современные, интересные и своеобразные люди, встречающиеся читателю на страницах книги, И. Фролов умеет слышать и передать своеобразие живой человеческой речи. Точно и живописно показывает он пейзажи Казахстана. Даже человек, не бывавший в тех местах, воочию витает перед собой и балхашскую безжизненную землю с глянцевыми куполами степных мазлозев, и задумчивый плес степенной реки Есиль, и селые осенние туманы, которые вольются по вершинам сопек.

В то же время писателю не хватает умения

гда еще не умеет любить и защищать свою родину.

Интересные люди в нашем полку! Хорошо выписан командир Сафонов, человек с умными спокойными глазами, которые как будто созданы для того, чтобы все сразу видеть и все сразу понимать. Он сильно не жалуется командиру дивизии генерала Крепкого — тяжело на подвиг, непосильного звать устаревшие, смертельные способы ведения боя, тугую восприимчивость нового. Сафонов спорит с ним, смеется даже полка доказывает, что прав он, а не Крепкий. Вот капитан Прикул — начальник штаба — высокого роста, некрупного телосложения, штатского вида человек; он внимательно вглядывается в окружающих людей, словно ищет кого-то.

ИЗ них выйдет толк, — говорит капитан Сафонову, который жалуются, что полк послан неподготовленным, — я вижу их энергию.

Вот полторук Волгин, знающий свое дело, легко находящий дорогу к сердцу. Вот старшина Комаров, который любит выказывать начальственную строгость, но тут же, через минуту, готов поговорить с солдатами по душам. Живое представление и другие бойцы взвода — грузин Шалико, азербайджанец Мамед, белорус Белый.

И бездо упоминать о характерных чертах этих людей лишь для того, чтобы засвидетельствовать, что они все живут в романе и остаются в памяти, когда перевернешь его последнюю страницу. Это дорогое качество писателя постиг главное — умение глубоко понять человека и воссоздать его характер.

По линии будет, пожалуй, сказать здесь о самом авторе. С. Ханзадян — сын крестьянина из далекого горного района Армении, участник тех событий, которые пришли перед нами на страницах его книги. Вот почему, наверное, с такой естественной простотой, истинно братским пером описывает он многонациональную семью «нашего полка!» Никакого пафоса, никакого ланибратаства с героями, никакого пафоса на чувство национальной обособленности...

Как один из братьев, вошел в великую братскую семью армянский поини и будущий романт, вошел в среду русских, белорусов, грузин, азербайджанцев... Только у нас, в Советском Союзе, может так быть. И черты этого нового бросили на роман свет социалистической действительности.

Мне, старому писателю, хочется сделать несколько замечаний моему молодому другу.

В романе много длинот. Не слышим еще столько автор задумывается над решением сюжетных, композиционных задач, да, пожалуй, иной раз эта задача перед собой и не ставит. Не удалось С. Ханзадяну образам певцев, все до одного черныш-черныш. И о языке романа очень похвальным слог сказать не могу. Поисательский поперх Ханзадяна обнаруживает стремление к хорошей простоте, ясности, и в восприятии его как добротную основу работы будущего писателя-реалиста. Хорошо, что у Ханзадяна нет стремления в манерности, пышности, кувальства в языке. Из этого, как говорится, выйдет толк.

В общем роман написан обещанным пером. «Люди нашего полка» — первое удачное произведение одного из представителей молодого поколения армянских прозаиков, только что вошедших в литературу. Да, конечно, меня забавит промах молодого автора, которых немало. Но куда сильнее радуют меня те хорошие качества и задатки, с которыми С. Ханзадян начинает трудное и ответственное дело советского писателя.

Еще изоблают его рассказы верными, но случайными наблюдениями, штрихами местными, необязательными, внешними. И оттого пные из рассказов незаметно переходят в жанровую сенку. Достаточно сказать, что в рассказе «На реке Шортланды», «Стан на Есиль», «Коралловый берег» нет почти ничего, кроме описания рыбной ловли. От этих рассказов остается впечатление фотографий, сделанных второпях.

Изменяет автору и чувство меры, столь необходимое в небольшом рассказе. Слишком затанут, например, рассказ «Серебряная скала»: его можно было бы в начале оборвать и приписать еще столько же, ибо нет в нем сюжета пологического, а сюжет событийный, внешний очерчен, например, в середине рассказа открытием оловянного камня.

В книге «Столбовая дорога» еще идет брожение, борьба разных начал. Спор очевидца с художником, но уже во многих местах присутствует в ней талантливый и зоркий писатель. Многие обещает ата перла книга. И вместе с тем она налагает большие обязательства на ее автора: упорная, трудная работа предстоит ему, чтобы, говоря языком геологов, получить «чистые шпалы» — отмыть и отбросить все ненужное, лишнее, случайное и притти к большому обобщению.

Люди большевистского размаха

«Каждый ли на своем месте? У каждого ли свободные крылья?» Этот вопрос задает самому себе секретарь районного комитета партии Михаил Плужников, один из героев романа Илья Котенко «Колхозники». Партийный руководитель района стремится к тому, чтобы привести в движение все живые силы, дать простор творческой инициативе людей, создать такие условия, при которых человеческая личность, человеческая индивидуальность нашли бы свое полное выражение.

Плужников работает в деревне. В прошлом деревня представляла собою довольно ограниченное поприще для приложения творческой мысли, для человека со «свободными крыльями». Об «идиотизме деревенской жизни» писали в свое время многие русские литераторы, изучавшие и знавшие деревню. Если даже губернская Вятка представлялась Шерину гаубкою провинцией, захолустьем «Крутогорском», в котором мыслящий и деятельный человек обрекался на прозябание, то что можно было сказать о глухих деревенских утлах! Известная драма профессора А. Н. Энгельгарта, променявшего Санкт-Петербург на смоленскую глушь. Интеллигентская мечта автора известна («Идем из деревни») о содержательной и богатой жизни в сельской глуши потеряла жестоко крушение. Старый общественный строй обрекал деревню на положение глухомани, забытой богом и людьми.

Секретарь райкома партии Плужников, интеллигент по всему своему складу, руководитель большого масштаба, живет и работает в деревне, любит ее, ни в какой мере не тяготившись своим пребыванием в ней и не считая это пребывание в деревне жертвой со своей стороны. Он пишет жене:

«...Я верю в искренность и здравый смысл твоего профессора, предложившего тебе остаться в аспирантуре. Я верю в твою новую работу, понимаю ее значение, хотя и плохо разбираюсь в медицине. Больше того, я верю в твой талант, в твою светлую голову... Но я не могу понять одного — разве работать над новыми проблемами науки можно только в Москве, только в аспирантуре? Не старый ли это взгляд на место развития науки? Не знаю, может, я слишком влюблен в свою солнечную степь, но мне кажется, что человек любой профессии, за исключением разве кораблестроителя и океанографа, может найти здесь место для большого творческого труда и научной работы».

Рука об руку с Плужниковым работают в деревне и другие интеллигенты: старый профессор Александр Иванович Болосков, молодые специалисты Андрей Волошин, Николай Шевардин, Анна Ботатретьева. Для всех находится большое и интересное дело, будь то селекционная станция, или МТС, или колхоз. Современная деревня находится в полосе бурного роста, идет по пути прогресса, смета в своем движении все то, что в той или иной степени мешало ее живым силам, ее новаторам.

В романе поставлена большая проблема: речь идет о зеняхх в сельскохозяйственном производстве и о бригаде. Среди действующих лиц романа есть сторонники звеновой системы. Таков председатель зареченского колхоза «Новая за-

А. БРУШТЕЙН

ЭСТАФЕТА ГЕРОИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЙ

Сегодняшним читателям детских книг и зрителям детских театров в начале Великой Отечественной войны было всего по 3—5 лет от роду. Воспоминания их о войне смутны и расплывчаты. Великая битва за свободу и счастье открылась им в литературе. Запечатленные писателями образы героев войны — герои-краснодонцы А. Фадеева, Зоя М. Алитер, Вера Солнцева В. Катаева, — все они вошли в жизнь сегодняшних детей, как старшие братья, как бессмертный пример служения Родине. А в свое время Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой воспитывались под влиянием примера Павла Корчагина и других героев гражданской войны. В этой передаче традиций советского мужества — одна из высших задач детской литературы. Она должна пробудить детей к славе прошлого для того,

Чтоб они, войдя веселым строем В наши завоеванные дни, Научились подражать героям, Поступали так же, как они!

(М. Светлов)

Книга С. Самсонова «По ту сторону» повествует о советских подростках, угнанных во время войны на фашистскую каторгу. Читатель знакомится с героями книги осенью 1941 года, в тот день и час, когда на станции «Бред-товарная» фашисты грузят русских подростков в грязные и смрадные вагоны невольничьего шледа, угоняемого в Германию. Читатель следует за ними в лагерь на болоте, где самый воздух кажется «запертым в клетку из колючей проволоки». У ребят отняты документы — взамен им дано нечто вроде своего рода ошейника или рабского клейма: нашитый на груди лоскут с буквами «SU» (Советский Союз) и порядковым номером... Как поведут себя эти советские ребята, из которых старшим лет по 13—14, но есть и 10—11-летние? Как выдержат они это испытание, самое тяжелое из всех, какие выпали на долю советских детей в годы войны, — испытание неволи, вдали

С. Самсонов. «По ту сторону». Повесть. Челябинск, 1948 г., стр. 215. Свердловскблжизд. 1948 г., стр. 215.

И. РЯБОВ

Ефим Суханов. Прав ли он? Принимать ли пользу государству та линия, которой придерживается в своей деятельности этот колхозный вождь? «Мужик!» — так отвечает председатель колхоза имени Молотова Сидор Васильевич Хижняк на вопрос о том, кто же такой Суханов, его сосед. Что из того, что зареченский председатель имеет все внешние приметы крестьянина сороковых годов: носит одежду городского покроя, говорит как по писаному, умеет себя держать с людьми, ничем как будто не походит на бюрокра-мужика... И все-таки Суханов целиком укладывается в ту характеристику, которую дает Хижняк. В зареченском колхозе господствует та самая система, о которой другой герой романа говорит так: «...снова, выходит, угнетается народ, как бычок, в своей клетке». Зареченское хозяйство не идет вперед и вглубь, не прогрессирует, а руководитель этого хозяйства скатывается к антигосударственной практике! Да, не пернаи «мужик», хотя и в новом обличье!

Илья Котенко рассказывает читателю о крупном социалистическом хозяйстве, Великая преимущественно этого хозяйства! Советская деревня уже переходит в новую эпоху своего развития — она меняет свое старое название на новое: агрогород. В колхозе «Путь социализма» парторг Хромов на собрании коммунистов докладывает о плане строительства агрогорода, и люди, слушающие его, не выражают никакого сомнения в том, что в скором времени на месте их хутора возникнет поселение нового типа, в котором будут многие элементы городского быта, городского культуры.

Новые масштабы, новые горизонты! И даже конфликты между людьми, о которых повествует автор романа, говорят об этих масштабах и горизонтах в сознании передовых представителей колхозного крестьянства. Вот на том же партийном собрании возникает спор между бригадиром Остановом Икуенко и председателем колхоза Николаем Шевардиным. Бригадир упрекает колхозного вождя в неправильном использовании машин, в непродуманной расстановке людей: «Я думаю, вы — рабочий человек, сами машины для нас делали, партийный взгляд на это имеете, — а такое неуважение к машине...»

И одна твоя стезжа не дже ровная: ты свою систему на машину ориентируй, по профессиям, что у нас нарождается, а не тани на участочки, но возвращай людей к старому крестьянству... И председатель колхоза, ранее работавший на Радгсальмаине и потом учинивший в сельском хозяйстве неинтересную, вынужденную знать правоту бригадира: авенгезал система организации труда, существовавшая в артели, действительно слерживала дальнейший прогресс сельского хозяйства. «Мне просторы нужны, машины, люди...» — требует колхозный агроном Волошин, человек большевистского размаха, пришедший в степь для того, чтобы победить векового врага степного земледельца — засуху. Андрей Волошин — интеллигент нового склада. Если в следующих частях романа этот образ будет раскрыт автором полностью, — писатель введет в галерею литературных типов еще одного в высшей степени интересного героя нашей деревни.

от Родины, семья, школы, в отрыве от героического примера борьбы взрослых с фашистскими захватчиками? Не согнуты ли ребята, не сломаны ли, не позабудут ли то, чему учили их советская Родина? Книга С. Самсонова убедительно и правдиво отвечает на эти вопросы. Да, советские подростки выдержали испытание, несмотря на голод, холод, болезни, непосильный труд, жестокое обращение, издевательство. Советские подростки прошли через рабство, но склонив перед ним упрямыи и гордые головы. Они не обрадовали своих мучителей ни уголивостью, ни покорностью, многие из них, как могуч, боролись с фашистами. Мальчик Толья был зверски замучен за то, что плонул в лицо командиру лагеря. Девочка Шура мужественно приняла смерть за то, что отравила помещицких свиней. На торфоразработках советские ребята ломали и выводили из строя машины. Проданные в рабство немецкой помещице, ребята держались спаянно, объединялись, выручали друг друга, делились последним куском. Ребята помогли бежать советским военнопленным из лагеря смерти. Одного из этих пленников, раненого при побеге, ребята спрятали в стож сена, ходили за ним, пока он не поправился. Вместе с ним маленького мстителя подорвали железнодорожный путь, уничтожив фашистский эшелон. Наконец, очутившись после войны в одном из американских лагерей для перемещенных», советские подростки держались так же стойко: не поддаваясь на живые провокации, они отстаивали свое право возвратиться на Родину.

Бесспорным достоинством книги С. Самсонова является то, что она не только рассказывает об этой героической борьбе, но и вскрывает причины мужества советских ребят. Истоки мужества — в той моральной атмосфере, которой дышали дети на Родине. Родина растила этих детей большевиками. Переживавшие на недобрую повну чужбине, они все же жили, как большевики. Привыкнув с детства ощущать себя членами громадного советского коллектива, дети веде — и в невольничьем эшелоне, и в лагерных бараках, и на помещицкой каторге, и в американском за-

Брасной нитью по страницам романа проходит мысль о культуре руководства сельским хозяйством, о союзе земледельческого труда с наукой. Старый Хижняк говорит Шевардину: «Не знаю, как ты, Николай Федорович, а по-моему, есть у нас одни недостатки. Почему у нас имеются все эти институты и академии — транспортные, промышленные, медицинские... А председатели колхозов, как гузыри в дождь, высказывают: кумекашь лучше других — станюньсь, руководствуй! А почему для нас институт или академия не организуются? Я бы сам подобрал хорошего паренка в своем колхозе, дал бы ему решение правления стипендию, продуктами обеспечил — только учись! Но чтоб вернулся он обратно меня смеял инженером сельского хозяйства; чтоб вернулся с политическим развитием, мышью, размахом...» Сидор Хижняк — самородок, от природы талантливый человек, он многое сделал и делает в деревне, но и он сознает, что его «маюук» не является тем багажом знаний и культуры, которые нужны колхозному руководителю в наше время.

Да, современной деревне нужны и академики, и инженеры, и профессора, и академики. Агрогород в степи — это уже не мечта, это творимая явь, реальная действительность.

В альманахе опубликована первая часть романа, мы еще не знаем, как развернутся в дальнейшем события, как сложатся судьбы героев. Хочется думать, что тот же Суханов, о котором говорили выше, поднимется до Хижняка, так как сутьность большевистской работы с людьми заключается в том, чтобы воспитывать их, поднимать их мировоззрение. Суханов — отнюдь не пропащий человек, и читателю не хотелось бы, чтобы он сошел со сцены со своей блестящей для нашего времени ролью. Думается, что писатель не отступит от жизненной правды, если приведет этого своего героя на более широкую и светлую дорогу.

Полагаем мы также, что и председатель райисполкома Иван Перерудий, имеющий в своем облике черты консерватизма, не обречен автором на бесславный уход из жизни. Заметим, что Илья Котенко своего председателя райисполкома нарисовал почти по образу и подобию Хохладова, председателя РИКа из романа С. Байбасево «Кавалер Золотой Звезды». Перерудий и Хохладов выглядят, как братья-близнецы. Это уже свидетельствует о шаблоне, о трафарете. В жизни нет недостатка в типах и характерах. Наблюдательный писатель может и должен брать равнение не на готовые литературные образы, а на живых людей. А автор нового произведения представляет нам как раз таких литературно, который умеет живописно, по-своему нарисовать характер человека.

Альманах «Год тридцать третий» признан быть разведчиком нового в нашей действительности. Очень хорошо, что в альманахе появились произведения молодого писателя, свидетельствующие о том, что у него есть драгоценные качества — хорошее знание жизни, чувство нового, умение видеть и слышать своих замечательных современников — людей большевистского размаха, людей преобразующих жизнь. Роман Илья Котенко «Колхозники» порадует многих читателей. Мы будем ждать продолжения его рассказа о деревенских парторганизаторах, о новых земледельцах с их широким кругозором и о новой деревне с ее радостными перспективами.

стенке для «перемещенных» — неизменно составляли коллектив советских людей. Каждый из них думал не о себе одном, а обо всех товарищах, боролся не за «мечу и «я», но за «наше» и «мы»: так принуждал их Родина. И связью их с этой Родиной была неразрывная, как непоколебимая была их вера в то, что советская страна победит фашизм, что Сталин не забудет о детях, томившихся в неволе, что Советская Армия придет освободить их.

Всего нагляднее раскрыто это автором на двух контрастных образах — Ани и Жюры. Аня выросла в теплой обстановке, оберегаемая матерью от всего — от болезней, от сильных переживаний, от внешнего мира вообще. «Мы с ней так жили, будто никто кругом на свете больше нет», — рассказывает Аня о жизни с матерью. Запрятанная, как в теплом гнездышке, в этот маленький домашний мирок, Аня выросла в эгоцентрической уверенности, что она — центр мироздания. Это, по существу, буржуазное воспитание привнесло Ане непонятный вред. При первом ударе ани мирок рухнул незыблительно. К борьбе она оказалась неприспособленной: этому ее не учили. В неволе ее собственные переживания продолжали заслонять перед ней все окружающее — они навязались на нее, как штурмовые волны, обдали ее с ног, захлестнули с головой, — она не устояла, в отчаянии повесилась на строплах чердака. Она, единственная из всех ребят, поверила в возможность нашего поражения. Характерно, что остальные подростки, так же переживая гибель Ани, жалея ее, тем не менее сурово осудили это самоубийство.

В совсем иных условиях воспитывался характер Жюры. Он вырос не в выстланном ватой «мирке», а в широком советском мире, великодушном, надежном, родном. У него твердая вера — в этом мире ему, Жюре, не дадут пропасть. Он привык сознавать и свою ответственность перед советским миром и советскими людьми. С первых дней фашистской каторги Жюра оказался едва ли не самым крепким, самым надежным, стойким, верным своим товарищам. Он первый среди них с негодованием отверг живший слух о взятии Москвы фашистами. Он знает, что наша армия не-

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

Семен ГУДЗЕНКО

Из краткого редакционного предисловия к книге молодого поэта Василия Субботина читатель узнает, что ее автор начал свой путь 22 июня 1941 года и участвовал в штурме рейхстага.

Без изысканных рифм и ритмических ухищрений, без красотостей и восклицательных знаков, сдержанные, осязательные точными деталями стихи Василия Субботина заставляют, вспоминая прошедшую войну, энергичнее бороться против поджигателей войны.

Самым характерным в этой книге мне кажется «Рассказ о Королевской пощади». Одна точно подмеченная деталь переносит нас из 1950 года, из Москвы, в 1945 год, в Берлин. У Субботина сказано:

В подлм пришли солдатские газеты Уже без сводок Совинформбюро.

И этого достаточно, чтобы воскресить в памяти Берлин сразу же после капитуляции. Дальше поэт очень лаконично повествует о союзниках, которые без боя «связали» свои секторы германской столицы и перенесли германские нравы Нью-Йорка на черный рынок у Шпрее:

И ярмарку устроили они На площади, омытой нашей кровью.

И уже, как вывод из всего рассказа: Ослынные глиной и известкой. Мы в майский день торжественно

Как счастье долгожданное, геройски Добытый мир отстаивать всю жизнь.

Воспоминание в этом стихотворении получено главной теме в нашей литературе: борьбе за мир. И эта тема романа не обшнряет, уже утративший силу своего воздействия словами, а конкретными биографическими деталями, которые в лирической поэзии особенно убедительны.

Фронтовой поэтический дневник, изданный сегодня, имеет такое же значение и право на существование, как, например, записки партизанских командиров, описывающих 1941 год в нынешнем году. Именно по таким дневникам солдата и является сборник В. Субботина.

Василию Субботину удаются бытовые и батальные зарисовки. Но есть в первой книге одна опасная предвзятость: поэт как бы боится страстной публицистической интонации. На многих его стихах — печать сполохности, часто холодности. Это идет от бедности изобразительных средств, от боязни опуститься в поисках. Эту предвзятость молодой поэт должен преодолеть.

Первая книга — первый шаг в литературе. Мне кажется, что он сделан Субботным правильно и честно. Поэтому вторую книгу Василия Субботина мы будем ожидать с особым интересом.

И уже в самом конце — вообще об издании первых книг стихов. У В. Субботина в первом сборнике всего около пяти сот строк. Но книга, любовно оформленная и переплетенная в твердую обложку, производит и внешне очень хорошее впечатление. Жаль, что московские издательства «Советский писатель» и «Молодая гвардия» не хотят выпускать таких маленьких по объему книг. И поэтому нередко, когда поэт доживает многих тысяч строк, молодой поэт терпит новизну первых очущений и его хорошие стихи устаревают. Столбным издательствам следует выпускать книжки стихов даже в 500—700 строк. Это без сомнения в интересах вступающих в литературу поэтов и их ровесников — читателей.

В. Субботин. «Солдат мира». Крымиздат. 1950 г. 48 стр.

победима, и что она придет освободить из неволи своих детей.

Совершенно правильно поставив в центре книги лишь небольшую группу из восьми ребят, как бы выхватив их лучшим проектором из многотысячной массы подростков, С. Самсонов, однако, отнюдь не всех их издалека индивидуализирует, запоминающимися чертами. Лучшие образы повести — Аня и Жюра. Остальные юные герои показаны по внешности. Запоминается и е с т у п о к Толья, плонувшего в лицо командиру, но что знает читатель о личности Толья, его характере, интересах, о том, как жил Толья до войны? Не знаем мы этого и об остальных ребятах.

Подробно и интересно обрисовав семью Ани, автор коснулся семейной обстановки лишь троих ребят: Шуры, Вовы и Люси, — но как безго, как скупо!

Язык книги, к сожалению, маловыразительный, неточный. Части в повести неудачные обороты, вроде «этот проломный француз», «эта разжиренная толстуха». Замечания по языку книги должны быть адресованы в равной мере и автору, и Свердловскому, и Челябинскому издательствам, которые не помогли молодому писателю, не сумели путем редакционной правки добиться «промычки» засоренной и шершавого языка повести.

И все-таки, даже несмотря на эти недостатки (которые автору необходимо решительно исправить), дети прочитают книгу с волнением. Они полюбят юных героев, в тягчайших условиях неволи оставшихся людьми, русскими людьми, советскими людьми, пионерами, будущими большевиками.

Читая об ужасах войны, они задумаются над грандиозностью борьбы за мир, развернувшейся ныне во всем мире. А читая о тайном пионерском сборе, где маленькие невольники проносили пионерское торжественное обещание, дети по-новому ощутят суровое и строгое обязательство, заключенное в хорошо знакомых словах: «...Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело Ленина — Сталина, за победу коммунизма...»

И. Фролов. «Столбовая дорога». Рассказ геолога. «Советский писатель», 1948 г., 187 стр.

П. КРАЙНОВ
Обзор военных действий в Корее

Главное командование Народной армии Кореи сообщило о прорыве новых оборонительных линий американских и лисьянманских войск.

Северокорейцы, указывая парижское радио, значительно продвинулись по направлению к Тагу... Бразавильское радио называет наступление Народной армии на Тагу «энергичным разгромом».

Как передавало лондонское радио, штаб американской 8-й армии признал, что после напряженных боев, корейские народные войска прорвали линию обороны противника также и южнее Тагу. Словия упорное сопротивление интервентов, они освободили Хенгхун, расположенный в незначительном отдалении от Тагу. На южном участке фронта Народная армия освободила город Косон — важный коммуникационный узел у южного побережья, связанный с портами Масап и Тхоньен. В результате фланг войск интервентов, находящихся в районе Масапа, оказался под угрозой.

Американские войска на ряде участков фронта предпринимают отчаянные контратаки. Лондонское радио указывает, что американские и австралийские самолеты днем и ночью атакуют наступающие народные войска на рубеже реки Нактонган, бомбят речные переправы.

Контратаки интервентов не смогли пре-

остановить общее наступление Народной армии. Как передавал корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс, представитель американского командования заявил, что контратаки американцев «встретили решительное сопротивление». Он признал, что в районе Чханьена войска Народной армии проникли за американские позиции и, соединившись с партизанскими отрядами, атаковали части 24-й пехотной дивизии с тыла.

Военные обозреватели и иностранные корреспонденты, находясь на корейском фронте, вновь и вновь вынуждены отмечать высокий наступательный дух Народной армии. Касаемо ее боевых качеств, военный корреспондент лондонской газеты «Дейли мейл» Уорд Прайс пишет: «Она показала, что является мастером стратегического искусства».

Владимир МИНАЧ

Гудки над Горегронией

Владимир Минач — бытописатель современной словацкой деревни. Его роман «Вчера и Завтра», изданный в Чехословакии в прошлом году, был тепло встречен критикой за живой и правдивый показ строительства новой жизни в словацкой деревне.

Быстро изменился облик Словакии. Из отсталой окраины буржуазно-демократической страны, она превращается в район высоко развитой индустрии, механизированного сельского хозяйства и передовой культуры. Уже в 1949 году уровень промышленного производства Словакии составлял 227,2 процента к довоенному периоду, а по плану текущего года должен превзойти довоенные показатели в три раза.

Возрождению одного из самых глухих уголков Словакии посвящает В. Минач и присланный им в «Литературную газету» очерк.

На юге Словакии была уже весна, швели перелесные деревья. Житный остров и равнины плыли весенние воды. Быстро подымались озимые хлеба.

А здесь, в самой высокой части Горегронии, откуда берут начало Грон, Черный Ваг и другие реки, весна чувствовалась только в воздухе. Леса оставались серыми и печальными; лишь вину, на берегах Грона, начинали покрываться почками вербы.

И стоял на отвесном склоне горы и смотрел вниз. Деревья пригнулись к белой ленте шоссе. Дома окрашены свежими красками: деревенские жители приветствовали приход весны. В прошлом это были очень бедные деревеньки в глухом углу Словакии. Нищета и налоги притесняли буржуазной республики глухи крестьяне в три погибели. Буржуазные ученые «не замечали» этого края. Если в их книгах и упоминался Горегрония, то лишь в разделе фольклора. Между тем здесь творилась история. Кусочек истории Словакии, написанной трудовым народом собственными страданиями и борьбой.

Поломка. Поломка, помните? Как же не помнить. Еще не прошло ни ста, ни даже пятидесяти лет. 1932 год. Последнюю корову талиши тогда у белых крестьян из хлеба. Долги, вымотки. Дети умирали от истощения. Парни бродили в выражении печали в глазах, встали куда-то и затем умирали в шахтах французских и американских капиталистов.

Поломка заявили тогда: — Довольно! Долой палачей! Долой буржуа! Долой правительств! В деревню нагнали с винтовками жандармы «демократического» правительства... Погорела. Погорелачье, помните? Собственными руками они остановили поезд, в котором везли арестованных товарищей. Среди них не было одного — он остался с простреленным черепом возле Поломки — на будущую кладбище.

Шумляк, Гелла, Червена Скала, Телдрал. Громкие протесты, дружные восстания. Люди Горегронии — бедные крестьяне, дрессовки, возчики — помнят славы дни восстания против нечести и насилия. Они выдержали все и спрятали искру сопротивления в своих горах.

Повстанческие оружие пригодилось им в годы гитлеровской оккупации. А потом, в феврале 1948 года, они в ярости готовы были бить реакцию, погнавшую на пришествие, наконец, в Чехословакию свободу... У подножья горы, прямо под ногами, воды лениво таят вью, на котором лежит плут. Рядом идет крестьянин в полушубке. Мысленно разговаривал с ним.

— Куда идете, хозяин? — Пахать конем, пахать. — На что вы смотрите? — Да, смотрю... смотрю...

Остановился и смотрит на равнину возле реки. И я смотрю туда же. Воры всей Горегронии обращены туда.

Там строит завод. Сначала туда пришли инженеры, и появились машины. Потом жителям Завалки, Поломки, Погорелой и Шумляка были котлован для фундамента.

— Что же будет, что будет здесь? — Тем временем парня из самой гористой части Горегронии отправляли на курсы. Стали камешниками. А теперь строят.

— Будет готов к концу года? — Будет!

— По плану? — По плану.

Завод по плану. Завод, дающий хлеб. Завод, уничтожающий нищету.

Но, чу, гудит сирена. Крутой лесопильный завод в Полочке ждет вечернюю смену. Такой же завод в Гашпарове отвечает ему. Гудит сирена на лесопильном заводе в Червеной Скале.

На Вагужской станции останавливаются поезда. Из вагонов выскакивают женщины с мешками на плечах и парни в спиджаках, а некоторые еще в полушубках. Это первые рабочие нового завода им. Яна Швермы в Брежво.

Кто следует за ними? — Вся Верхняя Горегрония стремительно преобразилась. Она поднялась из нищеты, вышла из бедных крестьянских хижин и отправилась в поход за новой жизнью.

Новое побеждает не сразу. Еще цепко держат кое-кого заколеченные стены хижин, воздетых отцами и дедками, камешный кусочек земли, на которой тяжело работали многие поколения.

Кто обрабатывает его? — Кто накормит корову? — Кто скосит траву на лугах под горами? — Кто пожнет и обмолит три снопа? — Кто быстрее слабеет плечи старого. Слышали вы о одном сельхозхозяйственном кооперативе в Шумляке? Одной трети людей по сравнению с прошлым достаточно, чтобы обработать всю землю, накормит скот, скосит траву на лугах под горами, соберет урожай.

Так шагает вперед Верхняя Горегрония. Это поход труда, поход к счастливому будущему. И тот крестьянин, что проехал на ленивых волах под отвесом горы, найдет свой путь в единый кооператив, где гудят тракторы, или на завод.

Верхняя Горегрония пишет новый кусочек славы истории словацких трудящихся. В Горегронии — образ новой Словакии, огромного района, в котором строится прекрасная жизнь, открытая трудящимся людям коммунистической партии.

БРАТИСЛАВА

Джон ПИТ

Я ВЫБРАЛ МИР

Жак ГОШЕРОН

Под Стокгольмским Возвращением

Жак Гошерон — молодой французский поэт, активный борца за мир, сотрудник французской прогрессивной газеты «Летр Франсе».

Голубь Мира бьет в окно крылом. Прочитай слова на белых перьях — Всемирный, всемирный судом. Мы осудим тех, кто бросит первым Атомную бомбу в мирный дом! Справедливость этих твердых слов Я стремился подписать своей, Чтобы смолк продажный хор лжецов, Славящий убиен и палачей, Чтоб звучал призыв простых людей — Вне закона атомных дельцов! Знаю, в море голосов людских, Дождевая капля — голос мой, Дождевая капля — голос твой, Но миллионы капель дождевых, Если пламя вспыхнет над землей, На него обрушатся реки, И ничто не остановит их! Белый голубь бьет крылом в окно, Белый голубь в солнечных лучах. Вся земля со мною заодно. Подпись мира ставит в этот час! Перевел с французского И. РАЗГОВОРОВ

Советские писатели — Корею

В Большом зале консерватории им. Чайковского 14 августа собрался трудящийся столичный писатели, артисты, учащая молодежь, дипломатические представители стран народной демократии. Они пришли на литературный вечер «Советские писатели — Корею» в честь пятой годовщины со дня освобождения Кореи от японских захватчиков.

На трибуне заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР поэт Алексей Суриков. Невняными словами он клеймит врагов мира и человечества, занесших кровавую лагу на свободулюбивым народом Кореи. Сердечные, дружеские слова обращает он к народу Кореи, дествительно в своей борьбе за мир и свободу. Бурей аплодисментов присоединяется весь зал к этому выражению любви и дружбы.

Аплодисменты гремит с новой силой, когда в трибуне направляется посол Кореи народно-демократической республики господин Дю Эн Ха. В его лице советские люди горю приветствуют народ героической Кореи.

Дю Эн Ха говорит о той великой благодарности, которую его соотечественники питают к Советскому Союзу, к волю всего прогрессивного человечества Генералиссимусу Сталину за освобождение их родной земли, он говорит о непрелюбной решимости корейского народа отстоять мир.

— Мы боремся с интервентами во имя того, чтобы сорвать их попытку захватить мировую войну. Мы сорвем американскую рестипию большой войны! Словом грокот американских танков и вой («летающих простей») все сильнее и сильнее звучит голос корейского народа: мир победит войну! Да здравствует знаменосец борьбы за мир во всем мире Генералиссимус Сталин!

Закрывающиеся слова Дю Эн Ха тонут в грохоте долго не смолкающей овации.

Тепло встречает зал появление на трибуне корейского писателя Пак Чон Сила. Оратор передает привет советским писателям от Ассоциации работников литературы и искусства Кореи. Он говорит, что корейские писатели вдохновлены примером писателей Советского Союза, сражавшихся в первых рядах бойцов против немецкого фашизма. Сегодня корейские писатели также сражаются в первых рядах своего народа.

Советский поэт Семен Кирсанов прочел стихи, посвященные сражающейся Кореи. Зал дружно аплодировал поэту, когда он, обращаясь к корейцам, воскликнул:

Макартуров гоните в шею, Освобождайте навсегда Корею!

Одни за другим сменяют на трибуне друг друга советские писатели. В. Агапов, С. Шумляк, М. Луконин, С. Михалков, Т. Шапкин, В. Инбер и другие гневно клеймят извергов рода человеческого — американских империалистов. Вслед за этим на вечер выступили корейские артисты. Вечер превратился в яркую демонстрацию нерушимой дружбы советского и корейского народов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО ПРИ СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

объявляет конкурс на замещение должности:

1. Профессор — заведующий кафедрой: марксизма-ленинизма, советской литературы, литературы стран народной демократии и капиталистических стран, иностранных языков.
2. Профессор и доцент кафедры: марксизма-ленинизма, советской литературы, литературы стран народной демократии и капиталистических стран, иностранных языков — немецкого, французского и английского.

Срок конкурса до 30 августа 1950 г.

Желающие участвовать в конкурсе подают заявления на имя директора института с приложением:

1. Личного листа по учету кадров.
2. Автобиографии.
3. Копии диплома о высшем образовании, заверенной в установленном порядке.
4. Копии документа об утверждении в ученом звании и ученой степени, заверенной в установленном порядке.
5. Справки о стаже работы в высших учебных заведениях.
6. Списка научных работ.
7. Характеристики с последнего места работы.

Адрес института: г. Москва, Таерской бульвар, 25.

По указке американских интервентов

Кровавые лисьянманские палачи, действующие по указке американцев, зверски расправляются с корейскими патриотами. На помещаемом нами снимке, взятом из английского журнала «Пикчер пост», можно видеть, как лисьянманская полиция везет на казнь южнокорейцев, подозреваемых в симпатиях к законому правительству Кореи народной республики. Людей, загнанных, как скот, в грузовые машины, заставляя сидеть, опустив голову между коленями. Достаточно кому-нибудь из них пошевелиться, как на его голову тотчас же с силой опускается приклад озверелого полицейского.

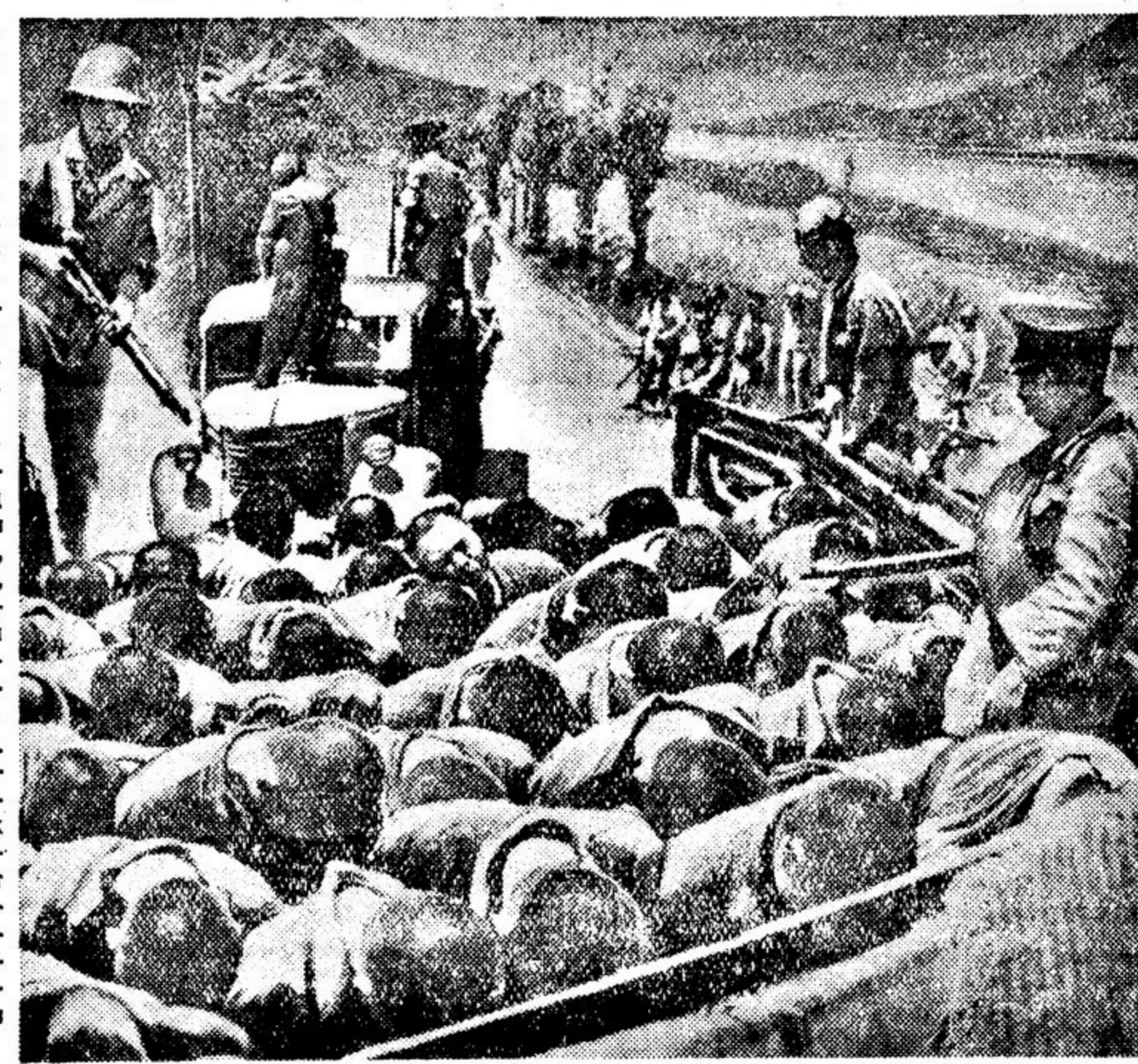

Рис. Вор. Ефимова.

н. ПАХОМОВ Цзян Тин-фу — верноподданный доллара

«Утопающий хватается не только за каждый кустик, но и за змею, лежащую на берегу», — говорится в них случаях арабы. Иногда и за шедуйного шакала, — добавим мы.

Господин Остину в Совете Безопасности весьма туго. Господин Остин то пытается выплыть из сомнительных губин собственного «красноречия», то окаятельно пускает пузыри. Агрессия США в Корею факт? Факт. Ответить от него невозможно? Невозможно. Значит, надо постараться выиграть время. Как знать, может быть, с помощью американизированного «большинства» удастся концы в воду уплывать.

Тут и приходит на помощь Остину господин Цзян. Подает Остин знак — Цзян высказывает с провокационным вопросом Потерте, как выходящий виды серебряный доллар, масляно-лишко лицо его в огромных очках всегда угодили повернуто в сторону американского делегата.

Цзян Тин-фу на трибуне ООН — живое воплощение известного принципа «чего изволите?».

Высказаться против запрещения атомной бомбы, как оружия агрессии? С превеликим удовольствием и полной готовностью.

Помочь отвергнуть советские предложения о разоружении? Цзян тут как тут и действует без промедлений.

Представить Ли Сын Мана «избранником народа»? Согласен без малейших размышлений и в лучшем виде!

И скосив глаза на американскую шпарталку, Цзян тнитесь доказать недоказуемое.

Выступить против приглашения представителей Кореи народной демократической республики? Пожалуйста.

Цзян, сияя от непосильного умственного напряжения и усердия, автоматически повторяет «доводы» американского делегата.

Вслед за баркенебрежно поданной данью американского делегата первой стремительно взлетает в верх пухленькая рутка Цзян Тин-фу. Цзян Тин-фу первым голосует за резолюцию Совета Безопасности, объявляющую — рассудку вопреки и наперекор фактам — Корею народной демократическую республику агрессором; он с восторженной готовностью подает свой голос за превращение флага ООН в знамя американской интервенции в Корею.

По мановению даже не руки, а указательного пальца Остину он вскакивает со своего места, чтобы залиться огульным ласком и хоть таким образом попытаться «сгладить» выступление советского делегата, требующего прекращения американской интервенции в Корею...

Господин Цзян понаторел в роли прислужника американских монополий.

Где там миколойчикам или, скажем, надыберам тягаться с господином Цзяном! Правда, он не занимал министерских постов, не восседал на королевском троне. Но зато гибкость, опит! Но зато он может подхватить весьма солидным и совершенно беспорочным стажем служения доллару. С этой стороны репутация у господина

или оно явилось плодом фантазии кого-либо из американских журналистов. Однако то обстоятельство, что деятельность конкурировавших между собой шпионских организаций часто была направлена друг против друга, отнюдь не означает, разумеется, что подрывная работа и шпионаж западных держав против Восточной Германии не являются в высшей степени опасными факторами.

Во время бесед с высшими британскими и американскими офицерами мне приходилось слышать, что одной из основных причин, удерживающих западные оккупационные власти от оставления Берлина, является то, что этот город представляет собой «прекрасный пункт для наблюдения за Восточной Европой», иначе говоря, весьма удобный центр шпионажа. Географическое положение города, находящегося в самом сердце Германской демократической республики, облегчает возможность организации шпионажа и диверсии в любой форме — от поджогов на крупнейших предприятиях до попыток подорвать экономику республики при помощи незаконного вывоза и хищения столь необходимого для промышленности металлических лома.

Одновременно Западный Берлин служит также базой, которую американцы, англичане и французы пытаются использовать для ведения шпионажа, направленного против Советского Союза.

Совершенно случайно я столкнулся с одним из примеров такого рода шпионажа. Служащий британской военной администрации (так называемого «Ланкастер Хауз») пригласил меня однажды к себе для переговоров о покупке моей автомашины.

Я увидел, что стены его кабинета сплошь увешаны картами Советского Союза, а стол завален планами советских городов и даже заводов. Во время беседы он сообщил, что занимается допросом бывших немецких военнопленных, возвратившихся в Западный Берлин из Советского Союза.

«От них можно добиться первоклассных сведений о городах и предприятиях, где они работали», — пояснил он. И показал мне очень подробный план одного завода с обозначениями на нем подпольными путями и с указаниями, какой вид продукции производится в каждом отдельном цехе.

В шпионской сети западных держав большую роль играют эти немецкие аген-

ты, из которых многие являются бывшими фесосцами или членами нацистских шпионских организаций.

Некоторые из корреспондентов также прямо связаны со шпионскими организациями западных держав. Иным моим коллегам время от времени предлагали заняться за выполнение «специальных заданий». Тех корреспондентов западной прессы, какие побывали на территории Германской демократической республики во время лейпцигской ярмарки или по другому случаю, вызывали в соответствующие британские и американские учреждения и подвергали подробнейшему допросу.

Основной разногласий между британскими, французскими и американскими оккупационными властями, распространяющихся на почти все вопросы оккупационной практики, является стремление англичан и французов оказать сопротивление заносчивым янки, считающим, что политику западных держав определяет только Америка.

Но хотя между западными оккупационными властями и существовали все время противоречия, все три державы сходились на одном: на необходимости требовать от жителей Западного Берлина, чтобы они «стойко сопротивлялись восточной опасности». Местные власти и пресса западных секторов Берлина, а также оккупационные власти западных держав пользовались любым поводом для того, чтобы увольнять всех прогрессивно настроенных трудящихся с работы, клеветать на Германскую демократическую республику и Советский Союз, а также делали все возможное для превращения Западного Берлина в шею поджигателей войны.

А как вели себя в это время иностранные корреспонденты? В частных разговорах многие из них признавали, что в Берлине ведется ничем не прикрытая военная пропаганда и что у западных держав есть единственный благозвучный выход из положения: вывести свои войска из Берлина с последующим полным отводом оккупационных войск из Германии и воссоединением ее в едином государстве. Однако из трусости, из корысти, из предубежденности мы продолжали распространять на весь мир выдуманную американцами ложь о том, что западные державы «защищают бедный маленький Берлин от русского медведя».

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ТРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВОКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.